

Майя Сварга

*Болото
вечной жизни*

II

Майя Сварга

Болото вечной жизни. II часть

«Издательские решения»

Сварга М.

Болото вечной жизни. II часть / М. Сварга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938075-3

Где-то в лесах, окружающих Великий Новгород, существовало древнее болото, на протяжении многих веков с непреодолимой силой тянувшее к себе живых, и сложно было устоять перед его зовом. Сколько бы это продолжалось — неведомо, но однажды... Книга во многом основана на реальных событиях.

ISBN 978-5-44-938075-3

© Сварга М.
© Издательские решения

Содержание

ВТОРАЯ ЧАСТЬ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Болото вечной жизни

II часть

Майя Сварга

Иллюстратор Майя Сварга

Дизайнер обложки Майя Сварга

© Майя Сварга, 2018

© Майя Сварга, иллюстрации, 2018

© Майя Сварга, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-8075-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-8074-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Ожидание, продлившееся почти до рассвета, показалось Егору вечностью. Поначалу он сидел спокойно, думая, что, как и в пещере, всё закончится быстро. Но время шло, а Юля не приходила в сознание. Дыхание её было ровным и спокойным, сердце билось нормально, а благодаря тому, что Егор быстро остановил кровь, о сильной кровопотере речь идти не могла. Когда он в назначенный срок ослабил жгут, рана уже закрылась, и Егор с минуты на минуту ждал, что сестра очнётся. Прошли полчаса, час, время ползло без остановки, но изменений никаких не было и Егор начал не на шутку тревожиться. Он уже не сводил с Юли глаз, надеясь увидеть хоть малейшее движение, но, если не считать медленно поднимающейся при дыхании грудной клетки, сестра была абсолютно неподвижна.

Через два часа Егор не выдержал и, наклонившись к Юле, осторожно потряс её за плечо. С таким же успехом он бы мог потрясти манекен. Егор подёргал её энергичнее, зовя по имени, потом похлопал по щекам. И снова не было никакой ответной реакции. Приходя в отчаяние, он начал кричать и трясти бесчувственное тело. Юля оставалась без сознания.

Не зная, что делать, чувствуя себя совершенно беспомощным и потерянным, Егор сидел рядом, надеясь, что в любой момент сестра откроет глаза. И он дождался. Юля пришла в себя и села, сбросив одеяло, заботливо накинутое на неё братом. Вид у неё был довольно ошарашенный и, озираясь по сторонам, она явно пыталась определить, где сейчас находится.

Безумно обрадованный, что сестра очнулась, Егор бросился её обнимать, крича:

– Юль, ты жива, всё в порядке, как же я рад!

Сестра нетерпеливо отпихнула его обеими руками.

– Отстань, мелкий, дай прийти в себя. Во-первых, я точно здесь или как? Мне это не кажется?

– Точно! Точно! – кивал счастливый Егор.

– Во-вторых, сколько я отсутствовала?

– Да больше трёх часов! Я уже думал, что всё, больше не очнёшься!

– Да-а, – протянула Юля, – неплохо. И в-третьих, ты сейчас сам пойдёшь туда. Точнее, мы туда отправимся вместе.

Егор застыл, слишком ошеломлённый, чтобы хоть как-то отреагировать.

– Я – туда? – наконец выдавил он. – Но почему, ведь обо мне речь вообще не шла? В качестве кого и зачем я туда отправлюсь? И вообще, ты там провела столько времени, что ты узнала, расскажи!

– Удивительно, – задумчиво сказала Юля, – четыре часа назад ты сам был готов пойти вместо меня, а сейчас дёргаешься, как девица на выданье в ожидании жениха.

– Да, и пошёл бы, но просто это всё очень неожиданно. И что насчёт моих вопросов?

– Насчёт вопросов? – повторила за братом Юля, нахмутив лоб. Концентрация давалась ей сейчас с большим трудом. – А-а, понятно. Насчёт вопросов потом. Всё потом. А сейчас – туда.

– Но зачем? – продолжал недоумевать Егор. – В чём дело, объясни по-человечески.

Юля наклонила голову на бок.

– Дело в том, что этот нехороший человек Верховный буквально выгнал меня, узнав, что мы вдвоём. Явно обрадовался и выгнал.

Егор раскрыл рот, пытаясь что-то сказать, закрыл его и открыл снова.

– Ты бредишь? – неуверенно спросил он.

– Я – нет, – решительно заявила сестра, – просто должно быть не менее двух действующих жрецов, как мне было сказано, и Верховный, узнав, что ты со мной и можешь стать вторым жрецом, заявил, что зря тратил столько времени на меня одну. Но ладно, то, что он говорил

мне, я должна передать тебе, а вот историю появления и гибели деревни мы просто обязаны увидеть вместе... – дыхание у Юли закончилось, и она замолчала. Глубокий вдох поправил дело, позволив завершить фразу, – ... так что надо идти немедленно.

Егор почувствовал, как его мышцы начинают подёргиваться от нервного напряжения, которое на него накатило с яростной силой. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув воздух, он было немного успокоился, но неожиданная мысль, посетившая его, заставила занервничать снова:

– Слушай, – заговорил он тревожно, – это ты себе руку резала и заклинание произносила, а что насчёт меня? Я что, разве просто так могу прийти туда?

– Ой, – сказала Юля, – нет, не сможешь. Ч-чёрт! – в сердцах воскликнула она, – придётся тебе пройти через этот ритуал. А я присоединюсь к тебе минут через пятнадцать, когда буду уверена, что с тобой всё в порядке.

Егор затряс головой.

– Нет, не так. Ритуал я проведу, войду туда и сразу выйду. Я сам хочу убедиться, что со мной всё в порядке. И только после этого мы туда отправимся вместе.

– Хорошо, дело твоё, можно и так сделать. Только скажи мне, милый мальчик, ты что же, мне совсем не доверяешь? – Юля вопросительно посмотрела на брата.

– Вообще доверяю, но именно сейчас – нет, – с абсолютной убеждённостью заявил Егор, – если бы ты видела себя со стороны, ты бы себе тоже не доверяла.

– Твоё дело, – повторила Юля, пожав плечами.

– А как туда идти и возвращаться оттуда, неужели достаточно просто выраженного желания?

– Да, Верховный меня заверил что да. – Пристально всмотревшись в Егора, Юля поинтересовалась, – а ты что, боишься затеряться там навсегда?

– Боюсь, – согласился он, – да и поверить в это сложно.

– А ты не верь, – легко сказала сестра, – и не надо. Просто пожелай там оказаться, и дело с концом.

– А что мне делать – то же, что и тебе? – нервничая, спросил Егор.

– Ну, в принципе, да. На, надень украшения, на всякий пожарный, хотя я и сомневаюсь, что они нужны. Но не уверена. Произносишь формулу, режешь руку и ты там.

Егор взял нож, сполоснул его водой и тщательно вытер об одежду. С интересом наблюдая за действиями брата, Юля заметила:

– Спрашивается, стоило так заботиться о его стерильности?

– Видимо, нет, – отозвался Егор, – тем более что и стерильности-то не было – ты же его точила после того, как я его прокипятил. А нам и в голову не пришло. И вообще – ты порезом о землю приложилась.

Юля кивнула.

– Ну да, голова другим была занята. Ничего, авось всё обойдётся. – Она протянула брату украшения. – Возьми.

Егор отправился к пятну, неся в одной руке нож, а в другой рюкзак. С небольшим опозданием, задержавшись, чтобы отвязать собак, Юля последовала за ним. Подойдя к границе пятна, Егор обернулся и, увидев Ангара и Алтая, идущих свободно, в крайнем изумлении спросил:

– А ты что, привязывать их не будешь?

– Нет, Икс их не тронет, пока действует договор. Так сказал Верховный.

Егор застыл.

– Какой договор?

Юля уже открыла было рот, сказать, что все вопросы надо оставить на потом, но, увидев выражение лица брата, смирилась. Вздохнув, она села на землю и принялась объяснять:

– Да, понимаешь, это как с тем камнем: достаточно было просто найти его и посмотреть на надпись и всё, хлоп, мы в ловушке, заключили договор, оказывается. И нарушить его никак нельзя. – Юля снова вздохнула. – Проходя таким образом в мир Икса, мы автоматически заключаем договор, нарушение которого карается смертью для обеих сторон.

Егор неверяще смотрел на сестру.

– Для обеих? И для Икса также?

– Да, и него. Дело в том, что, по словам Верховного...

Перебив сестру, Егор спросил:

– Ты уже не в первый раз этого жреца так называешь, почему?

– Его титул. Собственно, только так к нему и надо обращаться. Возможно, у него и имени нет. Но это ладно. Дело в том, что, по словам Верховного, Икс не может лгать – ложь его уничтожает. Неудобно, правда? Но он в состоянии уравнивать шансы. Икс в любой момент может узнать, лжёшь ты или нет. Если лжёшь, можешь даже не заказывать гроб с музыкой – хоронить будет некого. У каждой стороны есть и права, и обязанности, о них расскажу потом. Главное, что и сами жрецы, и все, кто, так сказать, входят в сферу их управления – неприкосновенные фигуры, пока соблюдают договор.

Егор задумался.

– То есть, – после долгого молчания заговорил он, – мы сейчас гарантировали себе безопасность? Островок спокойствия, другими словами.

– Да. Ни нас, ни собак, ни Марину, ни Андрея, ни Машу, ни кошек – никого он не тронет.

– Да-а, дела, – протянул Егор и умолк. – Что ж, – произнёс он через несколько секунд. Нечего сидеть, разве что только геморрой высидим, надо идти туда. Ты жди, я туда и сразу обратно. И тогда пойдём вместе.

Егор поднялся и пошёл к пятну. Он уже почти собрался полоснуть себя по руке ножом, но вдруг обернулся.

– А ты самого Икса видела?

– Нет.

– А. Удивительно, – Егор задумчиво переводил взгляд с руки на нож и обратно, – мы так боялись получить хоть небольшую царапину на болоте, чтобы сейчас самим предлагать ему свою кровь.

– Да, – откликнулась Юля, – не то ирония судьбы, не то откровенная насмешка.

Егор снова встал лицом к пятну, разрезал себе запястье и уже через несколько секунд опустился на землю без сознания. Юля подошла к телу брата, но даже не стала его оттаскивать. На месте она остановила кровь, обработала рану и села чуть поодаль, прислонившись спиной к дереву.

Вернулся Егор очень быстро. Открыв глаза, он резко сел и на лице его появилось бессмысленное выражение, которое через несколько секунд стало сменяться более вменяемым, и Егор начал оглядываться по сторонам в поисках сестры. Заметил её он не сразу, так как утренние серые сумерки скрадывали очертания всех объектов, в какие всматривался Егор, делая их зыбкими и неверными. Юля сидела, отрешённо глядя в небо, и, по всей видимости, возвращения брата не заметила.

Егор подошёл к ней и осторожно дотронулся до её руки. Юля повернула к брату голову.

– Слушай, – тихо заговорил он, – я там вообще ни с кем не общался. Просто постоял какое-то время и ушёл.

– Это правильно, – отозвалась Юля, снова переведя взгляд на светлый полукруг на востоке, на глазах меняющий цвет со светло-зелёного на бледный голубой. – Вдвоём начали, вдвоём и надо продолжать.

– И заканчивать, – сказал Егор, садясь рядом с сестрой. Он также стал смотреть на восток, наблюдая, как поднимается Солнце.

Юля начала выходить из того подобия транса, в котором находилась непрерывно после возвращения. Она внимательно посмотрела на брата и с любопытством спросила:

– Никого не видел, да? И ни с кем не общался? Так что же ты тогда там делал? Просто так стоял, что ли?

Егор задумался.

– Сложно сказать, – он пожал плечами, – наверное, я всё понять пытался – на самом ли деле я всё это вижу, или мне это снится.

– А-а. Надо идти.

– Надо. Стой! – Егор схватил сестру за руку. – Неужели и в самом деле достаточно только желания? И мы просто захотим и попадём туда, а захотим – выйдем?

– Как я уже говорила, Верховный меня заверил, что да. – Юля хмыкнула. – Ты ведь уже был там, и всё не можешь поверить?

– Не могу. Ну и ладно: могу-не могу, чёрт с этим, это неважно. А важно сейчас найти подходящее место, где лечь.

– Зачем? – удивилась Юля.

Егор уже встал и начал внимательно вглядываться в землю. Не отвлекаясь от рассматривания поверхности, он пояснил:

– А ты хочешь, потеряв сознание, шлёпнуться на землю как получится? Дескать, гори оно всё синим пламенем, пусть руки-ноги затекают! – оторвавшись наконец от изучения почвы, он посмотрел на сестру.

Подумав, Юля кивнула.

– Ты прав. Это разумно.

Егор нашёл подходящий участок и начал устраиваться на выбранном месте. Присмотрев симпатичный пятачок для себя, Юля последовала его примеру. Приготовления закончились, и Мангусты переглянулись. Затем оба сделали глубокий вдох, каждый из них бросил ещё один взгляд на небо, и они одновременно пожелали оказаться в мире Икса.

Прохлада, жемчужно-серый свет, такого же цвета небо, на котором нет Солнца – реальность Икса. За спиной также располагается лес, перед ними поле, покрытое травой и редким кустарником. Ветра нет, как нет и жары, но всё едва уловимо колыхается и мерцает, почти на грани восприятия. Мангусты стояли, озираясь по сторонам. Посещение этого мира было уже вторым для каждого из них, но впервые они оказались здесь вдвоём, и сейчас невозможная его реальность, в которую просто нельзя было поверить, ошеломила их ещё и тем, что они могли видеть друг друга.

Но обменяться впечатлениями Мангусты не успели. Из ниоткуда перед ними появился Верховный. Осмотрев обоих, он удовлетворённо кивнул головой и заговорил:

– Пришли оба, правильно. Сейчас вы будете посвящены в тайну появления деревни и жрецов, входящих в обитель Золотого Змея. Тайна должна быть соблюдена и далее, уже вами. Вы откроете её только преемнику и никому более.

Всмотревшись в каждого из Мангустов, жрец негромко, но очень веско сказал:

– Грозить вам страшной карой за разглашение тайны я не стану, но Золотой Змей узнает об этом, и... – он помолчал, нехорошо улыбаясь, и ещё тише закончил, – тогда бы вам лучше было не появляться на свет.

Оценив реакцию Мангустов, он снова кивнул и произнёс уже другим, деловым тоном:

– Пока вы ещё не прошли до конца посвящение и не должны общаться с Богом напрямую. Я – посредник между Ним и вами. С моей помощью вы сольётесь с Золотым Змеем и увидите то, что должны увидеть. После этого меня видеть вы уже не будете, сами став жрецами Золотого Змея. Внимательно наблюдайте за тем, что вам будет показано, и никогда не забывайте этого.

– Сольётесь? – растерянно пробормотала Юля. – Что это зна...

Договорить она не успела.

«Небольшая группа людей тащится по весеннему лесу. Четыре лошади и пять коров – это всё, что осталось от богатства ещё несколько дней тому назад процветающей деревни. Но пришедшие захватчики сожгли её дотла и убили большую часть её обитателей, и только жалкой кучке удалось спастись, сохранив мизерную часть добра. Им удалось выжить, но мысли у них нерадостные – из двадцати пяти человек пятеро тяжело ранены и скоро умрут, перестав быть ношей для лошадей. Среди оставшихся нет ни одного, кто бы не пострадал, кто в большей, кто в меньшей степени. Еды у них нет, и скоро придётся забить одну из коров, а по ночам вплотную подходят волки, которые почти не боятся израненных людей. Костёр мог бы помочь им, но страх быть обнаруженными врагами не даёт разводиться его. И будущее их представляется им крайне мрачным и не очень далеко простирающимся. Один из них неожиданно выкрикивает голосом, звенящим от истерического возбуждения:

– Нам было бы лучше умереть там и остаться с нашим родом!

Другой с мрачной яростью отвечает:

– Молчи, мы живы, и благодарим богов за это! А если хочешь к навью присоединиться – иди, дорога свободна.

Первый в исступлении кричит второму:

– Богов? Богов, говоришь ты, благодарить? – трясаясь от бессильной злобы, выкрикивает он, – каких богов – тех, что позволили, чтобы всё это случилось? Жадных и глухих, которые брали жертвы, что мы им приносили, но не пришли к нам на помощь?

Он вцепился в волосы и завыл, раскачиваясь:

– Или нет их, твоих богов, некого благодарить за всё это! – он раскинул руки, как бы намереваясь обнять весь мир, и захохотал резким безумным смехом.

В красном свете заходящего Солнца, в тенях, собирающихся за каждым деревом, под каждой травинкой, в эхе, что отразило этот хохот и стихло сразу же неподалёку, почудилась людям такая жуткая угроза, что они невольно подошли ближе друг к другу. Исступлённый прекратил свой смех, заразившись общим настроением, и примкнул к жавшимся вместе людям и животным. Один из тяжело раненых, едущий на лошади, практически лёжа на её шее, застыл и стал клониться набок. И тут же, как злобная насмешка, чьё-то издевательское передразнивание, из леса донёсся резкий и пронзительный стон, а затем хохот какой-то птицы. Волна ужаса пробежала по людям, они окаменели, и каждый всем телом ощущал, как этот чужой и страшный темнеющий лес смотрит на него бесчисленным множеством глаз.

Стонавший с глухим стуком упал на землю и забился в судорогах. Беглецы посмотрели на него, но никто не попытался оказать умирающему помощь или хотя бы облегчить его страдания. Каждый думал только об одном: что этот сейчас отмучается, а им предстоит ещё одна страшная ночь. И никто из них не заметил нескольких человек, тихо вышедших из леса.

Только когда чужаки подошли вплотную, люди увидели их и схватились за оружие, но шедший впереди протянул к ним пустые руки ладонями вперёд и сказал:

– Мы идём с миром! – и все уцелевшие жители погибшей деревни, кто ещё мог слышать, услышали насколько странно, не по-здешнему звучит его голос. Но были в нём такая сила и такая убедительность, что люди без размышления убрали оружие.

Подойдя к умирающему, который всё ещё бился в судорогах, первый опустил его около него на колени. Одну руку он положил тому на голову, а другую на грудь и закрыл глаза. Несколько минут чужак сидел неподвижно и молча, и за это время тот, кто лежал на земле, перестал дёргаться и задышал ровно, спокойно и глубоко. Кровь, вытекавшая из нескольких глубоких ран и уже окрасившая траву вокруг, остановилась, а лицо его, смертельно белое, стало обретать краски жизни.

Глубоко вздохнув, целитель открыл глаза и посмотрел на беглецов.

– Снимите раненых с лошадей и зажгите костры, – приказал он.

Люди, поражённые случившимся на их глазах чудом, медленно и нерешительно начали выполнять приказ. Раненых положили на землю и тот, кто предлагал благодарить богов за оставленную им жизнь, тихо сказал:

– Мы не можем разводить огонь – это слишком опасно.

Целитель внимательно посмотрел на него и покачал головой.

– Нет, – ответил он мягко, – не опасно. Людей поблизости нет, привлечь вы их не сможете. – Он указал на лежащих на земле. – Без огня ни один из них эту ночь не переживёт. – Увидев, как дёрнулся собеседник и раскрыл рот, желая что-то сказать, целитель спокойно произнёс, – а с огнём они будут жить. Я обещаю.

Больше не говоря ни слова, беглец, взявший на себя бремя лидерства, начал действовать. Раздав короткие приказания, он отправил всех способных к этому людей на поиски хвороста и дров, сам же приступил к разведению огня из имевшихся поблизости мелких сухих веток и высушенного мха. С радостью подчинившиеся приказу люди в предвкушении света, тепла и безопасности, которые давал огонь, вскоре принесли большие охапки топлива и осторожно положили их у пока ещё слабого, еле видимого огонька. Какое-то время спустя два огромных костра горели неподалёку друг от друга, впервые за все эти дни вселяя в людей уверенность в собственной безопасности. Раненых положили между кострами, и группа странных незнакомцев распределилась между ними.

Трое мужчин, три женщины – они оказались целителями все. Разбившись на пары – одна женщина, один мужчина, они начали с самых тяжелораненых. Два часа спустя они подошли к людям, что с благоговейным страхом следили за их действиями. Целители осмотрели раны оставшихся беглецов и обработали их, используя как мази, так и собственные силы. Вместе с облегчением от исчезнувшей боли, в людях появились также уверенность в будущем и ощущение возвращающихся сил.

Стояла уже глубокая ночь, когда целители, уставшие до предела, сами опустились на землю около костров. Воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием дров, горящих в пламени. Нарушил её лидер беглецов, который теперь боялся смотреть на этих странных людей. Глядя в землю, он робко спросил:

– Кто вы?

Одна из целительниц негромко ответила:

– Это тебе знать не надо. А надо узнать совсем другое – зачем мы здесь.

– Зачем? – шёпотом спросил он.

Целители какое-то время молчали, бесстрастно разглядывая людей. Затем один из них, тот, что шёл тогда первым, отчётливо произнёс:

– Мы пришли привести вас к Богу.

Тихий вздох изумления и ужаса вырвался одновременно у всех.

– К какому? Зачем?

Сухим, монотонным голосом первый целитель заговорил:

– Вы будете жить рядом с тем местом, где обитает Бог. Вы будете приносить Ему жертвы. Взамен Он станет оберегать вас, предупреждать о нападении, окажет помощь в борьбе с врагами. У вас будут хорошие урожаи, вы не будете страдать от засухи или она коснётся вас меньше, чем остальных. Вы всегда будете знать, где находится ваша скотина и где находятся ваши близкие. Когда придёт время умирать, вы придёте к Богу живыми и Он примет вас, даровав вам жизнь вечную. Вы сможете общаться со своими умершими. Мы изберём одного из вас и научим всему, что он должен знать. Он станет жрецом Бога и посредником между Ним и вами.

Целитель замолчал, без выражения глядя в огонь. Люди сидели, почти не дыша, поражённые этими словами и не веря в то, что услышали.

– Такого не может быть, – хрипло заговорил тот, кто сомневался в том, что боги вообще есть, – ни один бог не может такого – ни Сварог, ни Дажьбог, ни Велес...

Первый целитель, улыбаясь, кивнул, но взгляда от огня так и не оторвал.

– Вы не верите, – спокойно сказал он, – что ж, мы это предвидели. – Несколько секунд он сидел неподвижно, а затем внезапно развернулся к людям. Глаза его отразили свет костра, и беглецам показалось, что огонь заплясал в них, в этих глазах, сделав их красными и оранжевыми, а на лице появилась страшная улыбка. – А если я покажу вам ваше прошлое, настоящее и будущее и не одно, а два – что с вами будет, если вы со мной пойдёте, и если нет, – очень мягко и вкрадчиво заговорил он, – тогда вы мне поверите?

Люди в ужасе смотрели на него, не в силах шевельнуть ни единым членом, но постепенно оцепенение стало отпускать их, и сперва один, а затем другой, а за ними и остальные кивнули. Усмешка, так испугавшая людей, исчезла с лица целителя, и огни перестали плясать в его глазах.

– Хорошо, – сказал он, поднимаясь, – да будет так.

Осмотревшись вокруг, он отправился к рябине, что росла поблизости от одного из костров. Целитель вытащил нож и срезал гибкую раздваивающуюся ветку и удалил с неё листья. Затем он убрал нож и, взяв оба конца рогули в руки, развёл их в стороны, соорудив подобие буквы Т. Держа ветку перед собой, он медленно пошёл вперёд, время от времени меняя направление. Несколько минут спустя свободный конец ветки отклонился в сторону. Целитель положил ветку на землю и опустился на колени рядом с ней. Снова достав нож, он принялся копать землю. Минут через десять яма, формой напоминающая внутреннюю поверхность большой чаши, была готова. В оранжевых отблесках, которые горящие костры отбрасывали в разные стороны, люди увидели, как яма медленно заполняется водой. Целитель дождался, когда поверхность воды почти сравняется с поверхностью земли и приказал:

– Зажгите факелы.

Люди повиновались мгновенно. С горящими смолистыми ветвями в руках они подошли к наполненной чёрной водой чаше и встали вокруг. Пристально глядя на воду, целитель приказал:

– Смотрите в неё, глаза не отводите. И не вздумайте бросить туда что-нибудь.

Вода ещё продолжала прибывать, неспешно вращаясь в чаше, как если бы кто-то невидимый помешивал её. Чёрная, абсолютно непроницаемая для взглядов, она отбрасывала огненные отблески, кружащиеся на её поверхности. Вращение, чернота и яркие блики заморозили столпившихся вокруг людей, и вдруг в едином порыве все выдохнули, охваченные громадным изумлением и ужасом. На мерцающей поверхности воды они увидели свою деревню такой, какой она была ещё неделю назад – богатой и процветающей. Картинка изменилась. Теперь они видели напавших на них врагов и пожары, уничтожившие их дома. Лица у людей стали белыми, одни что-то начали бормотать еле слышно, другие крепко сжали зубы. Пожары прекратились, и вместо них появилось изображение вереницы изгнанников, обречённо идущих по лесу. Исчезла и эта картина. Теперь стоящие вокруг чаши наблюдали другую деревню, больше прежней, ещё более богатую и процветающую, расположенную на берегу небольшого озера и окружённую с одной стороны лесом, а с другой полем. Множество детей всех возрастов играли на пыльной улице, на поле паслись многочисленные коровы и лошади. Деревня исчезла, вместо неё появился светлый весенний лес, небольшая поляна и несколько трупов, лежащих на ней, и три человека, бредущих, пошатываясь, прочь. Один из них покачнувшись сильнее и упал. Оставшиеся двое даже не обернулись посмотреть, поднимется их товарищ или нет. Он не поднялся, оставшись лежать без движения на земле, и вскоре на поляне не осталось ни одного живого.

Видения прекратились, но отнюдь не сразу люди смогли оторвать взгляды от воды, так и не прекратившей своего вращения, несмотря на то, что чаша была заполнена уже до краёв. Целитель очень тихо спросил:

– Ну что, пойдёте?

Уже успевшие забыть о его присутствии люди вздрогнули и в ужасе посмотрели на него. Никто из них не решался раскрыть рот, и одному пришлось отвечать за всех. Вожак беглецов сказал всего одно слово:

– Да.

– Очень хорошо, – отозвался целитель. Он явно и не ожидал другого ответа. – Идти недалеко, завтра к вечеру доберёмся. А сейчас ложитесь спать, всем нужно восстанавливать силы. Когда доберёмся до места, я расскажу, что делать далее.

На закате следующего дня они достигли тех мест, что были показаны в чёрной воде при свете факелов. Солнце, казалось, лежало на верхушках деревьев дальнего леса, и его косые лучи, создававшие глубокие и длинные тени, подчёркивали красоту этой земли. Поле, с одной стороны ограничиваемое лесом, другой уходило в бесконечность, сливаясь с горизонтом. Начинающий темнеть лес, пронизанный медно-красным светом, сплетавшимся с чернотой теней, уходил глубоко-глубоко, маня к себе. В этих вечерних сумерках он выглядел не угрожающим и мрачным, а, наоборот, таинственным и способным защитить от любой беды. Но первое, что увидели люди, выйдя из-под огромных деревьев на открытое место, было небольшое озеро, мягко мерцавшее в закатном свете.

Небольшая группа беглецов осматривала отныне принадлежащие им и их роду земли, боясь поверить в то, что видят. Видят воочию, живём, могут ощутить и прохладу воды и мягкость травы, обонять запахи прогретой за день земли. Всё то, что ночью было показано им в неверном свете факелов, сейчас живую окружало их.

Пройдясь по ближайшим окрестностям, люди вернулись обратно на поляну, находящуюся между лесом и озером. Слишком возбуждённые, чтобы заснуть, хотя все приготовления ко сну уже были сделаны, они ещё долго переговаривались друг с другом, даже когда небо совсем стемнело и зажглись звёзды. Но усталость взяла своё, и беглецы один за другим уснули.

Целители, расположившиеся особняком, ждали этого момента. Едва последний из беглецов погрузился в сон, один из целителей поднялся и прошёл к спящим. Склонившись над человеком, которого теперь уже все без исключения беглецы считали своим вожаком, он осторожно потряс того за плечо. Мгновенно проснувшись, человек резко сел, глядя во тьму дикими глазами и чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Предупреждая возможные возгласы, целитель прижал палец к губам и прошептал:

– Тихе! Пойдём.

Без слова возражения вождь поднялся и отправился за целителем. Тот, уверенно ступая в темноте, шёл к рощице, что росла на противоположном от леса краю озера. Дойдя до границы, отделяющей поле от рощицы, целитель остановился и повернулся к спутнику.

– Слушай внимательно и запоминай, – тихим, но торжественным голосом заговорил он, – Бог живёт здесь, и Он избрал тебя, и положение твоё будет недостижимым для остальных. Но нескоро ты сможешь в полной мере постичь огромность того дара, что получишь ты сейчас. Ты станешь Его Верховным жрецом и будешь руководить жизнью деревни. Только ты сможешь говорить с Богом напрямую. Богу нужны жертвы – ты будешь приносить их. Пока ты один, но так будет недолго. Вскоре после того, как ты станешь Верховным жрецом, ты должен будешь выбрать себе помощника. Сам. Бог позволяет тебе сделать это. Когда появится Второй и ты научишь его тому, что должен, вы выберете себе преемника из числа детей. Преемником может стать любой ребёнок. Ты понял меня? – целитель приблизил своё лицо к лицу вожака и в упор посмотрел тому в глаза, заставив его отшатнуться и опустить взгляд.

– Я понял, – тихо отозвался он.

– Хорошо. Запомни навсегда: единственное, чем ты должен руководствоваться при выборе Второго и затем преемника – это нрав. Ничто остальное для тебя существовать не должно. Преемника будешь выбирать среди пяти-шестилетних детей и неважно, сколь богаты его родители, сколько у них детей, первенец ли он или нет, мальчик или девочка. Это должен быть умный, спокойный, не склонный к общению, сильный телом и духом, здоровый ребёнок. Выбрав, ты забираешь его с собой. С этих пор он не будет общаться ни с кем из деревни, включая родителей, до тех пор, пока ты не уйдёшь к Богу, Второй не станет Верховным, а преемник Вторым. Тогда они оба должны будут найти себе преемника. Так все жрецы должны поступать отныне.

Целитель помолчал немного и продолжил, отчётливо произнося каждое слово:

– С этого момента ты живёшь отдельно от остальных. Семьи у тебя быть не должно, детей у тебя быть не должно. Сейчас ты будешь посвящён Богу и лишь наполовину останешься в мире живых. Наполовину же ты присоединишься к Нему и станешь посредником между Ним и живыми. Сейчас я возьму одну из ваших коров и принесу её в жертву. Это дар Ему, чтобы Он принял тебя.

Вожак, слишком ошеломлённый и подавленный словами целителя, покорно, без единого слова возражения принял весть об уничтожении такой ценной для них коровы.

– Жди здесь, – коротко приказал целитель, и вожак беспрекословно опустил на землю, ожидая возвращения того, кто наводил на него теперь уже смертельный ужас.

Целитель ушёл и вернулся вскоре, ведя за собой флегматичную костлявую корову. Он вошёл в рожицу и направился к тускло блестящей среди травы воде. Громко, нараспев, он произнёс:

– Золотой Змей, прими эту жертву и позволь тому человеку соединиться с тобой, – и, отойдя на несколько шагов назад, с силой хлестнул корову.

Корова замычала от неожиданной боли, рванулась вперёд и моментально увязла в трясине. Отчаянное мычание перепуганного животного должно было разбудить всех спящих, но ни один из них даже не шевельнулся. Вожак, впервые услышавший имя своего бога, какое-то время с ужасом и жалостью смотрел на отчаянно ревушую и дёргающуюся корову, а затем отвёл глаза и бросил взгляд на группу спящих людей. Его поразило, что никто не бежит сюда. Он стал всматриваться в глубину поляны в попытке увидеть, что делают его люди, надеясь отвлечься от того, что происходит за его спиной. И увидел в голубоватом свете взошедшей луны беглецов, неподвижно лежащих, спящих глубоким мёртвым сном, и целителей, так же неподвижно сидевших лицом к нему. Ему стало жутко, и он отвернулся, но и, отвернувшись, он продолжил ощущать на себе их взгляды.

Несчастливая корова, издав последнее мычание, больше похожее на крик, ушла наконец под воду, и мучения её закончились. Выждав какое-то время, целитель заговорил снова:

– Теперь Золотой Змей примет тебя. Сейчас ты соединишься с Богом, а затем, когда ты вернёшься обратно, я поведаю тебе остальное, что ты должен знать.

Целитель снял с пояса мешочек и вынул из него несколько вещей. Это были золотые украшения – два браслета, пояс и налобный ремень. Но больше, чем украшения, внимание вожака привлёк небольшой острый нож.

– Эти украшения, – сказал целитель, подходя вплотную к вожаку, – послужат мостом между двумя мирами. Они мои, но на время они станут твоими. Ты питаешь их собственной кровью. Протяни руку! – резко приказал он.

Не раздумывая, вожак вытянул вперёд правую руку. Коротким точным движением целитель полоснул по запястью ножом. Хлынула кровь. Целитель подставил под густую струю золото, дожидаясь, когда оно из тёмно-жёлтого станет красным. Едва это произошло, он убрал мешок и схватил вожака за трясущееся запястье чуть выше раны. Кровь мгновенно перестала течь.

– Я пока остановил кровь, – негромко сказал целитель, – надевай украшения. – Он отпустил руку вожака. – Когда наденешь, подойдёшь к воде. Я открою рану, и кровь польётся снова. В тот момент, когда она коснётся воды, скажешь: «Золотой Змей, прими мою кровь и открой мне вход в свой мир». Ты окажешься у него и увидишь огромного прекрасного Змея, свернувшегося в кольцо. Он велик и могуч, и Он может объять весь мир, а Его золотое сияние ослепляет, так что бойся смотреть на Него. Его жизнь священна, и ничему не позволено прервать её. Он повелевает водами и владеет душами. Он справедлив и всегда судит беспристрастно, Он не потребует больше необходимого. Ты пойдёшь к Нему и скажешь, что принадлежишь Ему, и Он примет тебя. Потом вернёшься обратно. Иди.

Целитель подтолкнул вожака в спину, видя его нерешительность.

– Иди, – повторил он требовательно, – не бойся, ты не умрёшь. Ты вернёшься живым, а я пока закрою твою рану, и ты не истечёшь кровью. Иди же! – грозно крикнул он.

На подгибающихся ногах, почти теряя сознание от волнения, вожак подошёл к воде. Остановившись около трясины, он оглянулся и посмотрел на целителя. Тот, подбадривая, кивнул, и вожак вытянул руку над водой. Снова потекла кровь, и тёмная витая струя как верёвкой соединила руку и поверхность воды. Срывающимся голосом человек произнёс открывающее врата заклинание и рухнул как подкошенный, потеряв сознание. Голова его оказалась в воде, но подбежавший целитель оттащил его на твёрдое место и уложил как можно удобней. Затем он занялся рукой и остановил кровь, причём порез на глазах начал затягиваться, покрываясь тонкой розовой кожей. Закончив с этим, целитель опустился рядом с телом на землю, дожидаясь возвращения в него сознания. Несколько минут спустя вожак зашевелился и сел.

– Я жив, – прошептал он, не веря самому себе, – я видел Бога, я говорил с Ним, и я жив, я вернулся обратно.

– Это так, – спокойно подтвердил целитель, заставив того вздрогнуть от неожиданности, – я говорил тебе об этом, теперь осталось сказать последнее. Жить будешь отдельно, неподалёку от болота. Украшения сделаешь себе сам – на голову, руки и пояс. На голове будешь носить всегда, на руки и пояс наденешь перед тем, как уйти к Богу. Второй и преемник также должны будут сделать себе украшения сами. Они целиком их наденут дважды – когда в первый раз увидят Бога, и когда уйдут к Нему навсегда. Так будут поступать и остальные жрецы. Всех своих людей ты должен будешь ночью привести к болоту поодиночке. Сделаешь небольшой надрез на руке приведённого и опустишь её в воду. Тем самым ты свяжешь каждого из них с Золотым Змеем. Так будешь поступать с каждым родившимся младенцем и с любым, кого вы примете в число жителей своей деревни. С этого момента Золотой Змей будет знать, где находится каждый человек, что он думает и что делает. Ты сможешь обращаться к Нему и спрашивать, о чём пожелаешь. Но не беспокой Бога понапрасну. Золотой Змей будет сохранять ваши поля от засухи, Он предупредит о нападении врагов и поможет с ними справиться. Он станет защищать вашу деревню и вашу скотину от диких зверей. Взамен вы будете приносить Ему жертвы. Пока вас слишком мало, но затем, когда вас станет больше, каждое солнцестояние и каждое равноденствие вы станете давать ему по человеку. Живому. – Схватив вожака за плечо, целитель веско произнёс, – того, кто станет жертвой, будешь определять сам. Это должен быть не любой человек. Выбранный должен иметь право отказаться. Священная жертва Золотому Змею должна быть принесена с восторгом и благоговением. Человек должен осознавать, что ему выпадает великая честь и счастье быть присоединённым к Богу подобным образом. Малейшее сомнение недопустимо. Такие не должны избираться в жертву. Взамен тот, кто будет выбран для священной жертвы, обретёт такую жизнь в Золотом Змее, какую вы себе и представить не можете. Во всём остальном – кого и сколько приносить в жертву Золотому Змею за Его благодеяния – Он определит сам и скажет тебе об этом – сколько кур, овец, лошадей, коров. Также Он скажет тебе, кто из твоих людей стоит на пороге смерти. Ты приведёшь к Нему этого человека. Это не жертва, – тихо сказал целитель, – ушедший к Нему живым будет

жить вечно, так, как об этом мечтал при жизни. Ты сможешь через Золотого Змея говорить с любым из ваших умерших в любой момент. Когда придёт твоё время, Золотой Змей скажет тебе, и ты уйдёшь к Нему, но прежде чем ты полностью присоединишься к Золотому Змею, ты, находясь в мире Бога, встретишь преемника и расскажешь ему обо всём. Только тогда ты сможешь уйти. Ты научишь его всему, чему научу тебя я, и никто из тех, кто не является жрецом, не должен будет знать об этом. Теперь иди, ложись спать, утром у всех вас будет много работы, а ночью я посвящу тебя в остальные таинства, которые ты и будешь передавать тем, кто придёт за тобой.

Как автомат поднялся вожак и отправился к спящим. Но, не дойдя до них нескольких шагов, развернулся и ушёл в сторону. Оказавшись в одиночестве, он лёг на землю, и сон мгновенно накрыл его.»

«Страшная засуха прошлого года, с таким трудом пережитая деревней, наступившей весной казалась не более чем тяжёлым кошмаром. Растаявший снег напоил землю, и на полях проклюнулись зелёные стрелки будущих хлебов. Люди с надеждой смотрели в лето и грядущую осень, рассчитывая собрать хороший урожай, но первая радость при виде солнечных лучей, пришедших на смену мрачным зимним тучам и трескучему морозу, начала превращаться сначала в тревогу, а затем и откровенный страх. День проходил за днём, а по синему небу не пробегало ни единого облачка. Земля, так жадно ждавшая воды, стала высыхать и трескаться, и очень скоро яркий зелёный цвет листвы и травы сохранился только вокруг озера и на болоте, а всё остальное обесцветилось и покрылось тонкой бежевой пылью. А затем и небо, сжигаемое безжалостным Солнцем, выцвело и стало белёсым.

Посевы, которые с громадным трудом оберегал Золотой Змей, держались долго, но настал момент, когда он был вынужден признать поражение – воды не хватало, и взять её было неоткуда. Второе лето подряд на землю обрушилась засуха, накрыв все окрестные деревни и города. Людям стало страшно. Прошлый год они смогли прожить, держась на прежних запасах, но к этому от них уже не осталось ничего, а новые появиться не могли. И самым страшным было то, что Золотой Змей, помогший им пережить прошлый год легче остальных, и благодаря которому они вообще жили здесь, по всей видимости, отвернулся от них.

– Верховный, пойдёшь к Золотому Змею! – умоляюще обратился к жрецу Гиман, – дай Ему любые жертвы, какие Он захочет, пусть вернёт нам воду!

Верховный отрицательно покачал головой.

– Золотой Змей не принимает жертвы, – сказал он.

Гиман сцепил руки перед собой в умоляющем жесте, но в голосе его послышалась угроза:

– Верховный, пройди по полям, сходи к озеру – всё, что сажали мы, засохло, рыба умирает в воде, зверь ушёл из леса, что мы будем есть? Скажи, Верховный!

Гиман схватил жреца за рукав. Второй сделал шаг вперёд, намереваясь защитить наставника, но тот успокаивающе качнул головой. Вспомнив, с кем говорит, Гиман отпустил рукав, и руки его безжизненно повисли вдоль тела. Пытаясь заглянуть Верховному в глаза, он просяще заговорил:

– Почему Бог прогневался на нас? Разве наши жертвы были плохи, разве мы не делали всего, что Он говорил нам? Почему же Он отвернулся от нас? – Гиман опять сцепил руки перед собой. – Почему Он отказывается принимать жертвы? Что мы сделали не так? – он снова схватил Верховного за руку, но уже без угрозы, а с мольбой. – Мы делали всё, мы ни о чём не спрашивали, даже прошлым летом мы молчали, но у нас ещё было, что есть. А сейчас... – сглотнув, он зажмурился, затем широко раскрыл глаза и торопливо заговорил, – скажи, Он хочет нашей смерти? Мы уже умираем, если не будет дождей – никто из нас не доживёт до зимы, у нас нет еды. Никто из нас никогда не спрашивал о том, чего хочет Золотой Змей, но сейчас я спрашиваю – Он хочет нашей смерти? Ответь, если это так, мы все придём к Нему, и это будет быстро. Но если нет, то почему? – впившись глазами в лицо Верховного, Гиман жадно ждал ответа.

Верховный молчал. В этот момент хоть и стоял он здесь, на поляне, сжигаемой яростным Солнцем, но всё же его тут не было. Пустые глаза, отсутствующее выражение на лице – Верховный говорил с Богом. Гиман в ужасе отшатнулся назад. Всего два человека в деревне могли говорить с Золотым Змеем, и лишь один из них так – не теряя сознания, не падая на землю – Верховный жрец. Это всегда вызывало у людей благоговение и почти непреодолимый страх, и сейчас Гиман с трудом заставлял себя остаться на месте, лишь бы не видеть эти смотрящие на него и сквозь него глаза Верховного, которые и не глаза сейчас вовсе, а чёрные провалы в никуда. Верховный еле заметно вздрогнул, и взгляд его стал обычным человеческим взглядом.

– Золотой Змей не отвернулся от нас, – заговорил он, – Он не гневается, вашей вины ни в чём нет. Жертвы Он отказывается принимать, потому что не может помочь нам. Сил Его недостаточно, чтобы вернуть воду. Он не может этого сделать, засуха слишком сильна. Золотой Змей говорит – надо ждать дождей. Засуха закончится и всё наладится.

Сузив глаза, Гиман недоверчиво смотрел на Верховного. Несколько секунд он молчал, а потом медленно произнёс:

– Он так сказал? Золотой Змей лишился сил, Он больше не может нам помогать?

Верховный внимательно посмотрел на Гимана. Холодно, отчётливо, без гнева, но у собеседника мурашки побежали по спине, он сказал:

– Ты хочешь сам узнать, лишился ли Золотой Змей сил?

Сглотнув, Гиман затряс головой. Крайне редко жрецам доводилось проявлять власть: люди, чьи мысли и чувства были как на ладони у жрецов, практически никогда не выходили за пределы установленных в деревне законов, но всё же бывали случаи, когда и они нарушали эти границы. И тогда нарушителей могло постигнуть одно из двух наказаний, существовавших в деревне. В каждом отдельном случае решение о тяжести проступка и, соответственно, о суровости наказания принималось обоими жрецами и Золотым Змеем, которые и определяли – будет ли преступник изолирован от Золотого Змея или его постигнет худшая кара. В первом случае нарушитель, хотя и продолжал жить в деревне, но оказывался полностью оторван от того невообразимого единого организма, который представляли собой деревня во главе со жрецами и их Бог. Золотой Змей обрывал все связи с ним, оставляя его в полном одиночестве, лишённым какой-либо защиты или помощи. Это наказание имело свой срок и рано или поздно заканчивалось, к несказанной радости наказываемого, так как переносилось очень тяжело. Но всё же преступник мог считать себя счастливецом, если ему выпадала эта кара, потому что существовала и другая, гораздо более страшная. И каждый раз, когда принималось решение, что преступник совершил слишком тяжёлое преступление, Золотой Змей не знал пощады, и каждый раз это приводило в трепет всю деревню, а несчастной жертве уже никто не мог, да и не пытался помочь. Охваченный ужасом человек, полностью сошедший с ума, метался по деревне до тех пор, пока смерть не настигала его. И только затем его труп бросали в трясины к Золотому Змею. Наказание жестокое, но крайне эффективное. Скрыться от всевидящего взора Бога не мог никто, а сопротивляться ему и подавно. Именно поэтому преступления в деревне совершались крайне редко, ибо никто не желал быть объектом гнева Бога.

Всё ещё тряся головой, побелевший Гиман облизнул губы и, запинаясь, произнёс:

– Н-нет, не хочу.

– Хорошо, – кивнул Верховный, не сомневаясь в подобном ответе, – в таком случае передай остальным, что сейчас Золотой Змей ничем не может помочь – вода ушла слишком глубоко. Надо ждать дождей. Начнутся дожди, засуха прекратится, и всё пойдёт по-прежнему. – Внезапно глаза его мрачно вспыхнули, и он угрожающе наклонился к Гиману. – Но не вздумай, – очень мягким голосом, от которого волосы на голове собеседника встали дыбом, сказал Верховный, – не вздумай болтать в деревне, что Золотой Змей утратил силу. Он узнает

об этом, – ещё мягче, задушевно проговорил жрец и улыбнулся, – и ты будешь говорить Ему это лично.

Гиман неподвижно смотрел на Верховного. Затем, медленно кивнув, он сухим, ломким голосом ответил:

– Я не стану этого говорить.

– Очень хорошо, – сказал Верховный.

Взяв Гимана за плечи, он развернул его и осторожно подтолкнул в сторону деревни.

– Иди, скажи это людям и не забудь, о чём я тебя предупреждал.

Не оборачиваясь, Гиман кивнул и быстро пошёл по поляне. Только дойдя до деревьев он оглянулся и, увидев, что жрецы уже не смотрят на него, бросился бежать, несмотря на страшную жару.

Второй, едва только Гиман удалился достаточно, чтобы не слышать последующего разговора, обратился к старшему:

– Скажи, Верховный, – тихо заговорил он, – что нам делать? Засуха не прекращается, а люди уже начинают умирать. Мы не сможем удерживать их от разговоров о том, что Золотой Змей потерял силу. С каждым днём они начнут говорить об этом всё громче.

Верховный покачал головой.

– Я говорил с Золотым Змеем, спрашивал у Него. Он всегда отвечает одно – надо ждать.

– Но, Верховный, – горячо воскликнул Второй, – ведь есть и другая беда, страшнее первой, и ты знаешь об этом не хуже меня.

– Ты имеешь в виду нового бога, слухи о котором ходят в деревне уже много лет?

– Да, Верховный, я говорю о нём! – Наклонившись вплотную к наставнику, Второй горячо заговорил, – Иисус Христос – новый бог. Говорят, он, когда ещё был человеком, мог творить чудеса, а после смерти, когда он стал богом, он стал способен на большее! Сам знаешь, люди не обращали внимания на эти рассказы, пока всё шло хорошо, но сейчас они могут уйти к нему. А если он поможет там, где Золотой Змей оказался бессилён, что тогда? – голос его пресёкся, и он схватил Верховного за руку.

– Я и об этом говорил с Золотым Змеем, – мягко сказал Верховный, – я спрашивал, способен ли новый бог на такое. Он заверил меня, что нет. Дождь знает, когда ему прийти, и придёт не раньше, чем ему положено. Есть те, кто могут привести его прежде срока, но этот бог на такое не способен. Золотой Змей прочёл его, и да, он силён, очень силён, но не всесилен.

Второй тяжело опустился на землю и спрятал лицо за ладонями.

– Я очень хочу верить в это, Верховный, – глухо сказал он, – но мне страшно. У меня плохие предчувствия. Появился жрец этого бога, он ходит повсюду, говорит со всеми, призывает поклоняться Иисусу Христу. – Второй поднял голову и умоляюще посмотрел на Верховного. – Убьём его, а? Верховный! Мы его убьём, и всё будет хорошо! Я его боюсь. Я чувствую, несмотря на то, что он говорит о добре и любви, он несёт зло и смерть. А если его не станет, беда пройдёт стороной, я знаю это! – с радостной надеждой он смотрел снизу вверх на Верховного, но, всмотревшись в его лицо, сник.

Верховный сел рядом с ним на землю.

– Мы жрецы, а не убийцы, – тихо ответил он, – кроме того, это ничего не даст: погибнет этот, придёт другой, третий – много больше, чем мы сможем справиться.

– Мы не убийцы, но он враг. Наш враг и враг всего, что у нас есть, и его необходимо уничтожить. А главное – он враг Золотого Змея! А другие, пусть они приходят! – воскликнул Второй. – Мы справимся с ними! Главное, чтобы засуха прекратилась, и тогда нам никто не будет страшен.

Верховный задумчиво смотрел на Второго.

– А ты не боишься, что тем самым ты признаешь свою слабость и страх, убивая жрецов другого бога. Кстати, – заметил он, – они называют себя «священники».

Презрительно тряхнув головой, Второй резко ответил:

– Нет, не боюсь. Тем самым мы покажем, что их бог слаб и не защищает тех, кто ему поклоняется.

– Ты думаешь? – Верховный помолчал. – А если наоборот, если в этом его сила, что он спокойно позволяет убивать тех, кто поклоняется ему? Если ему нравится видеть страдания тех, кто любит его, а после смерти именно их он принимает к себе? Что, если поклоняющихся ему больше, чем ты думаешь, и он станет их присылать сюда одного за другим? Чем сильнее их мучения, тем больше их будет.

– Но этого не может быть, – слабо возразил Второй, – этот жрец, священник, он же говорит, что его бог всеблаг и милосерден, это не может быть такой бог, о котором ты говоришь.

Верховный устремил взгляд в бесцветное небо.

– Ты думаешь? – снова повторил он. – Твои же слова – говорит он о добре, а несёт зло. А ведь он жрец и именно этого бога. Золотой Змей сказал, что этот бог живёт за счёт веры в него и смертей, которые принимают ради него. Любое убийство, совершённое для него, делает его сильнее. Поэтому без крайней необходимости убивать священника нельзя. Будем ждать, как говорит Золотой Змей.

Второй тяжело вздохнул.

– Хорошо, – отозвался он, – будем ждать.

Но чувство, что они с каждым днём всё ближе к какой-то катастрофе, мутной тяжестью растеклось в нём.

Пока жрецы разговаривали на своей поляне, в деревне не осталось ни одного человека, кто не находился бы сейчас на площади. Дело в том, что Гиман прибежал туда, задыхаясь, с трудом глотая раскалённый воздух, чем привлёк к себе внимание людей, стоявших около общественного колодца, единственного, в котором ещё оставалась вода. И внимание, надо сказать, очень тревожное, ведь они собрались там не только для того, чтобы набрать жалкие остатки воды, чудом сохранившиеся на дне, но и понять, как им дальше жить. А Гиман прибежал со стороны поляны и вид у него был такой, что разговоры тут же прекратились. Еле отдышавшись, он выпил полный ковш воды и закричал:

– Верховный говорил с Золотым Змеем о засухе и велел передать вам Его слова!

Изо всех домов начали стекаться люди, стуча к соседям, вызывая тех, кто не слышал призыва, и вскоре вокруг Гимана собрались все жители деревни. Оглядевшись вокруг, Гиман убедился, что все в сборе и громко заговорил:

– Золотой Змей сказал, что вода ушла слишком глубоко, и он не может её поднять. Жертвы не помогут, надо ждать конца засухи.

Над толпой пронёсся тихий шёпот, как лёгкий ветерок перед грозой. И как ветер на глазах становится шквалом, а затем ураганом, так и шёпот перешёл в гул, обещающий со временем превратиться в бурю. Несколько минут люди негодуя и испуганно кричали, не слушая друг друга, но взметнувшийся над толпой крик моментально вернул тишину:

– Наш Бог потерял силу! – истерический безумный вопль.

Услышав эти страшные слова, все стихли, боясь произнести хоть что-нибудь. Единственным звуком, нарушавшим тишину на площади, было бормотание Гимана. Побелев как полотно, он сжался и смешался с толпой, пробираясь к собственному дому и шепча при этом испуганно:

– Это не я, это не я говорил, Золотой Змей, я этого не говорил!

Но слова уже были брошены и внимания на исчезновение Гимана никто не обратил. Первоначальный ужас перед неминуемой карой сменился смелостью отчаяния.

– Потерял силу! Он больше не может нам помогать! Мы все умрём!

– Умолкни или ты умрёшь очень быстро!

– Посмотрите, смотрите же – ничего не случилось! Это правда!

– Золотой Змей узнает о твоих словах...

– И что?! Мы и так все умрём! Засуха, Горица, урожай погиб! Или у тебя нет детей, что ты так спокойна?

– Я не спокойна! – яростный крик, – ты не хуже меня знаешь, Малуша, что у меня восемь детей, и мне их тоже нечем кормить, но я знаю, что нельзя так говорить о Боге!

– Почему? Он больше ничего не может! Он не может нас спасти!

– Богохульство! Он накажет тебя за это!

– Пусть! Пусть накажет! Но пусть поможет! Мы жертвы Ему приносили, раньше Он всегда помогал нам, а сейчас почему нет?

– Малуша права. Если засуха не прекратится нам, не выжить. Мы всегда жили здесь только с помощью Золотого Змея, а теперь Он оставил нас.

– Правду говоришь, Савмак! Нам нужен новый бог, сильный, который будет нам помогать, так же как и помогал прежний!

Последние слова, выкрикнутые безумным сорванным голосом, прозвучали в звенящей тишине, заполнившей площадь. Они были ещё более страшными, ещё более невозможными, чем первые – «Бог потерял силу!» Ужас охватил людей, дикий страх перед неминуемой карой не только тому, кто произнёс их, но и тем, кто слушал, но не остановил. Не одна минута прошла, прежде чем хоть кто-то смог шевельнуться, и застывшая толпа начала оживать и приходить в движение. Робкие взгляды друг на друга и тихий, чуть слышный шёпот замелькали то тут, то там. Постепенно, видя, что никакой кары не следует, люди начали становиться смелее и разговоры стали громче.

– Это невысказано, о таком даже думать нельзя!

– У нас есть Бог – Золотой Змей, мы ЕМУ поклоняемся, ЕМУ жертвы приносим, нам не нужен другой.

– Но Он обессилел, Он больше ничего не может, без сильного Бога мы все погибнем.

– Он спасал нас от врагов! Он нагонял на них ужас и рассеивал их, Он наполнял водой наши колодцы...

– Наши колодцы пусты! Он больше не может этого!

– Но Гиман принёс слова Верховного – надо ждать. Золотой Змей призывает нас к терпению...

Издательский громкий смех, в котором, правда, не было ни тени веселья, прервал говорящего.

– Ждать, говоришь ты, Вышеслав? Чего ждать – выжженных полей, сгоревших лесов и дохлой гнилой рыбы? Я помню рассказы о старых богах – это Дажьбог разгневался на нас, за то, что мы не приносим ему жертвы! Дажьбог наслал на нас засуху, а Золотой Змей бессилён против него! Мы должны поклоняться Дажьбогу!

– Ты лжёшь! Золотой Змей всегда был сильнее Дажьбога!

– Ты сам это сказал, Вышеслав. Был. Но больше нет. Да, Дажьбог, говорю я вам – это он послал нам засуху. Мы отступились от него, и он наказывает нас, Золотой Змей не может нас защитить! – человек пытался говорить спокойно, но голос его, сдавленный из-за громадного внутреннего напряжения, был страшен. – Вы сами всё это видите, – он кивнул головой, показывая на жёлтую иссохшую растительность. – Мы должны начать приносить жертвы Дажьбогу, и он простит нас.

– Нет, это ложь! – яростно выкрикнул другой. – Мы с незапамятных времён живём здесь, и никогда такого не было! Зачем бы Дажьбог стал ждать так долго, и почему именно сейчас это случилось? Это не может быть так!

И снова над площадью повисла тишина, а люди стали испуганно переглядываться. Каждый вспомнил священника и все те слова, которые тот говорил о новом боге и о том, что его называют Солнцем, или он и есть само Солнце (в этом вопросе священник не давал полной

ясности), и о мстительности и жестокости его отца, насылающего на людей всякие беды и о том, что этот бог любит страдания поклоняющихся ему, но и вознаграждает потом за это их стократно. И, особенно – о том, что новый бог ненавидит других богов и стремится их уничтожить и что, по словам священника, он сильнее всех и равных ему нет. А поклоняющихся другим богам он ненавидит также. Непостижимая фигура нового бога, которая и свой отец, и собственный сын, и ещё кто-то, жестокий, мстительный и любящий, сострадательный, беспощадно уничтожающий грешников и спасающий их, пошедший ради них на смерть, возникла перед ними. Именно он, этот новый бог, пришёл к ним, и он гневается на них за то, что они не поклоняются ему, и он действительно сильнее Золотого Змея.

Людям стало страшно, но при этом для многих из них забрезжила надежда на спасение. Один из таких, кашлянув, заговорил:

– Глеб, ты же уходил из деревни и жил среди тех, кто ему поклоняется, расскажи, что видел.

– Я уже рассказывал, – мрачно отозвался Глеб.

– Я знаю, – кивнул тот, кто обратился к нему, и в поисках поддержки посмотрел на других, – мы все это знаем, но, прошу тебя, повтори это снова.

Сжав зубы, Глеб тяжело уставился в землю. Для него был только один Бог – Золотой Змей, и другие ему были не нужны. Но то, что он мог рассказать о новом боге, со всей очевидностью показывало его мощь, и Глеб не хотел об этом говорить. Но слишком многие ещё несколько лет назад слышали его рассказ.

– Расскажи, прошу тебя, или я сделаю это за тебя, но боюсь, что я мог что-нибудь позабыть и сейчас придумую лишнее.

Подняв глаза от земли, Глеб нехотя заговорил:

– Ему строят огромные дома, которые они называют храмы и украшают их. Говорят, что он живёт в них.

– Во всех? – быстро перебил кто-то.

– Да, во всех, – кивнул Глеб, – ему постоянно молятся, просят о разных вещах, и он помогает им. Его призывают, когда идут сражаться с врагами, и он обращает этих врагов в бегство и уничтожает их.

– Где угодно? – снова перебил тот же голос. – Повсюду или только вблизи тех домов, где он живёт?

– Повсюду. Говорят, он всегда с теми, кто поклоняется ему.

– А может, это не один бог, а много? – спросила одна из женщин.

– Нет, утверждают, что он един. Он совершает разные чудеса и даже... – Глеб запнулся, не желая говорить дальше, прекрасно понимая, какой эффект произведут его слова. – И даже, – с трудом продолжил он, – воскрешает людей из мёртвых.

В едином порыве люди выдохнули, услышав это. Даже те, кто слышал эти слова раньше, совсем по-другому восприняли их сейчас.

– И ты сам это видел?! – с удовлетворением поинтересовался всё тот же человек.

Глеб глубоко вздохнул и кивнул головой.

– Да, – сказал он тихо, – я это видел своими глазами.

После мгновенной тишины площадь взорвалась криками.

– Как же так!

– Не может этого быть!

– Что же это за бог такой, если он может подобное?

– Как это было?

Глеб молчал, дожидаясь, когда стихнет шум. Дождавшись, он продолжил:

– Умер ребёнок. Его родные собрались вместе и стали молиться своему богу, чтобы тот воскресил его. Они молились несколько часов, и ребёнок ожил.

– Он не умирал, – предположил кто-то.

Отрицательно качнув головой, Глеб сказал:

– Он был мёртв, я видел. Он не дышал, и сердце его не билось.

– Золотой Змей не может этого, – прошептал другой.

– Но мы уходим к Нему после смерти и живём там! – выкрикнул третий.

– Откуда ты знаешь? Мы же видим наших мёртвых только во снах и никогда наяву!

– Ты сам это знаешь. Каждый, кто хочет увидеть того, кого любил, приносит жертву Золотому Змею и в ту же ночь видит этого человека.

– Во сне! Всегда только во сне! – горестно выкрикнула одна из женщин, чей ребёнок умер недавно, и которая с жадным вниманием слушала этот разговор. – А мне он нужен здесь и сейчас, я хочу видеть своего малыша всегда, а не только во сне!

– Но даже этот бог не может воскресить того, кто умер несколько дней назад, тем более летом!

– Может.

И снова, уже в который раз, площадь затихла.

– Священник рассказывал, что когда бог ещё в облике человека ходил по земле, он воскресил того, кто умер несколько дней назад и уже начал гнить. Человек ожил, и был он полностью здоров.

– Почему же тогда те, кто поклоняется этому богу, – почти шёпотом спросил кто-то, – вообще умирают, если им достаточно попросить его, и они будут жить? Или он требует слишком большие жертвы?

– Нет, – ответил Глеб, – они говорят, что всё дело в вере. Только тот, кто верит в него, получает то, что хочет.

Люди застыли, переваривая эти слова. Наконец один неуверенно спросил:

– Как они могут не верить в своего бога?

– Я не знаю, – сказал Глеб, – но когда он им помогает, они говорят, это потому, что они верят в него и не грешат, а когда нет – потому что они грешны и в них не хватает веры. Так я слышал.

– Такой сильный, такой могучий бог, и он не всегда помогает поклоняющимся ему?

– Да, и он может насыпать беды на тех, кто ему поклоняется.

– Зачем?

– Не знаю. Говорят, он делает так только с теми, кого очень любит. Посылает им испытания.

– И теперь он пришёл к нам...

– Да, и он оказался сильнее Золотого Змея. И Золотой Змей больше ничего не может. Мы должны поклоняться новому богу, и тогда он, может, пощадит нас.

– Не смей так говорить! Золотой Змей приказал нам ждать. Пройдёт время, и всё будет по-прежнему.

– Нет! – яростно выкрикнул другой, – не будет! Золотой Змей слабее нового бога, Он побеждён им, и мы вместе с Ним! Если мы хотим выжить – мы должны начать поклоняться новому богу.

– Ты безумен, если так легко хочешь отвернуться от Золотого Змея – Он уничтожит тебя!

– Что же Он не делает этого сейчас? Если мы останемся с ним, то все умрём и так. Нам нужно умиловить этого нового страшного бога, и тогда мы будем жить!

Палящее Солнце и жар, идущий от пыльной площади, духота и густой горячий воздух в другое время погасили бы любые страсти, но не в этот раз. Теперь люди не обращали на пекло внимания. Разделившись на два лагеря, они смотрели друг на друга, как две стаи оголодавших собак, одновременно нашедших единственный на многие километры в округе труп. Бешеные глаза, оскаленные зубы, сжатые кулаки и до предела напряжённые мышцы. Муж-

чины, женщины и даже дети были подобны сейчас обезумевшим от ярости зверям, и любого неловкого действия было достаточно, для того чтобы разгорелась смертельная драка. Время шло, и напряжение достигло высшей точки. Ещё немного, и гибель и увечья множества людей были бы неминуемы, но раздавшийся над площадью тихий и спокойный голос мгновенно погасил ярость толпы:

– Успокойтесь и слушайте меня. – Верховный жрец в сопровождении Второго пришёл в деревню, и они уже некоторое время стояли в тени гигантского дуба, росшего на краю площади, – я слышал все ваши слова. Золотой Змей слышал все ваши слова. Вы все знаете, что Он читает в ваших сердцах и знает ваши мысли. Но Золотой Змей милосерден. Он не станет вас карать, Своих заблудившихся детей, которым Он оказал столько благодеяний. Вы обезумели и не понимаете, что говорите, и Он прощает вас. Закончится засуха, и все вы принесёте жертвы Золотому Змею во искупление своих слов и мыслей. А сейчас расходитесь по домам.

Верховный развернулся и отправился к лесу, уверенный в том, что люди поступят так, как он сказал. И действительно, власть жрецов была такова, что никому и в голову не пришло проявить неповиновение. Испуганные и притихшие люди разошлись, как и было приказано, по своим домам. Наступило кажущееся спокойствие, продлившееся около двух недель.

С момента окончания собрания, едва не перешедшего в побоище, не выпало ни капли дождя и ни единого облачка не проползло по небу, ставшему уже почти белым. Глухое недовольство, не имевшее возможности найти выход, зрело в той части людей, что призывала обратиться к новому богу. Та часть, что требовала сохранения верности прежнему, начала впадать в отчаяние и один за другим люди стали переходить на сторону первых, оставляя свою партию в меньшинстве.

А затем в деревню пришёл священник. Отец Фотий глубоко верил в Бога и веру свою стремился распространить на весь мир. Проповедуя христианство, он ходил от деревни к деревне, от села к селу. Пламенный, с горящими глазами, он обращался к людям, страстно говоря им и о ветхозаветном Боге-Отце, и о Его Сыне Иисусе Христе. Он говорил о человеческих грехах и их искуплении, о рае и аде, о божественных законах и вечной жизни. Люди, уже слышавшие о новой религии и знавшие о том, как широко она распространилась, и так были недалеко от того, чтобы сменить веру. Старые боги давно уже не помогали и по сути даже и богами-то переставали быть, и это вызывало у людей неуверенность в будущем. И когда появлялся отец Фотий, говорящий о Вечном и Едином Создателе всего, о Его Сыне, посланном Им на землю и принёсшим Себя в жертву за грехи людей, когда он указывал на небо и говорил, что Бог живёт там, надо всеми и сравнивал Его Сына с Солнцем, при этом глаза его сияли и лицо выражало глубочайший восторг, люди начинали ему верить, и когда сам отец Фотий говорил о вере, чудесах Иисуса, о воскрешении Его из мёртвых и затем призывал креститься и начать исповедовать христианскую веру, люди шли за ним, как дети за Гаммельнским крысоловом.

Единственной деревней, не поддавшейся проповедям отца Фотия, была именно та, в которой поклонялись Золотому Змею. И в ней тоже слышали и о новой религии, и о новом боге, и из этой деревни люди уходили на заработки, а, возвращаясь, рассказывали о том, что видели. Но у них был свой бог, который помогал им во всём, и в котором они обретали вечную жизнь после смерти, и новый был им не нужен. Так продолжалось несколько лет: жители деревни вежливо и с интересом или равнодушно – это зависело от настроения, слушали отца Фотия, но на этом дело и останавливалось. Пока не пошёл второй год засухи. Их бог, Золотой Змей, не умер, они знали это, но он больше не был для них опорой. Он перестал помогать им и обрёк их на голодную смерть. И те слова, на которые они когда-то не обращали внимания, теперь всё чаще вспоминались им.

Наступила середина июля, и это был уже третий месяц, во время которого не выпало ни единой капли дождя. Поля и луга давно уже перестали быть зелёными, и стали похожи сейчас на потрескавшуюся пустыню, породившую спутанные кочья бледно-жёлтой про-

локи. Листья на деревьях побурели и высохли и неподвижно висели на неподвижных ветвях. Даже в лесах, в самой тёмной сырой и непролазной чаще, остался только один цвет – жёлто-бурый, цвет мёртвой высохшей травы. Люди доедали последние припасы, и будущее представляло перед ними окрашенным в мертвенные тона. Еду было взять негде, ни для себя, ни для их отощавшей скотины, которая бродила повсюду в бесплодных поисках корма.

И в это самое мрачное время в деревню вновь пришёл отец Фотий. Он давно уже поселился в одном из соседних селений и стал там священником, приказав построить церковь. Непокорная языческая деревня была для него как бельмо на глазу, и он поклялся себе или обратить их в истинную веру, или умереть, но не оставить дьявола торжествовать здесь. И сейчас отец Фотий медленно шёл вдоль домов, привлекая к себе внимание сотен пар глаз. Пройдя по деревне до конца, он повернул обратно и направился к площади. Посреди неё он опустился на колени и начал молиться, не обращая внимания ни на пыль и засохший навоз внизу, ни на свирепое Солнце наверху. Люди, которые уже не раз вспоминали проповеди отца Фотия, начали стекаться на площадь, молча вставая около него. За короткое время вокруг священника собралась большая часть деревни.

Час спустя отец Фотий поднялся на ноги и обвёл людей, столпившихся вокруг него, горящим взором.

– Покайтесь, – тихо и как-то печально произнёс он, – тяжёлы грехи ваши, не может земля их выносить. Покайтесь! – яростно выкрикнул он, заставив людей вздрогнуть. – Ибо Господь наш разгневался на вас за мерзости ваши и наслал на вас гибель! Вы поклоняетесь дьяволу, дьяволову искушение вы принимаете за Божию благодать. Покайтесь! – крикнул он ещё громче со сверкающими глазами и вздёрнул руки к безумному Солнцу. – Всемогущий Господь в Своей неизречённой доброте и милосердии долго терпел вас и дела ваши, но терпение Его закончилось! Вы обречены смерти и адским мукам за богохульство ваши, за мерзости ваши, которые вы творите, и смерть уже стоит среди вас. Я вижу её! – пронзительно крикнул отец Фотий и указал рукой в гущу людей. Над толпой пронёсся испуганный вздох, и очень быстро на этом клочке земли не осталось ни одного человека. – Геенна огненная, и скрежет зубовой и черви могильные, которые будут вечно пожирать вас после смерти – вот, что ждёт вас, если вы не покаетесь, – голос его упал до едва слышного шёпота, заставившего людей затаить дыхание, вслушиваясь в каждое слово. – Но Господь наш добр, и Он любит даже заблудших овец Своих. Раскаявшийся грешник десятикратно более любим Богом, чем праведник. Он послал вам тяжёлое испытание, но это потому, что Он любит вас и хочет направить вас к спасению. Становитесь вместе со мной на колени и молитесь Господу Богу нашему, прося Его простить ваши грехи, и вы спасётесь. Он простит вас! – ликующе воскликнул он и рухнул на колени.

Один, за ним другой, третий – не прошло и минуты, и все, кто пришёл на площадь, стояли на коленях. Слёзы потекли по лицу отца Фотия. Величайший день в его жизни – ему удалось привести к Богу даже такие закосневшие в грехе души, как у этих язычников-дьяволопоклонников! Господь действительно велик, и пути Его неисповедимы! Даже такое зло, как засуха, он обратил в добро, в спасение для сотен отбившихся от стада овец! Не скрывая этих слёз счастья, отец Фотий хриплым голосом произнёс:

– Дети мои, повторяйте за мной: «Отче наш, суший на небеси...»

Дружно, как один человек, произносила толпа слова евангельской молитвы.

– Да будет на вас благословение Божие, откройте свои сердца Ему, – отец Фотий обвёл коленопреклонённых людей сияющими глазами, – тяжёлы грехи ваши, но искренним покаянием, отвращением от прежних мерзостей ваших, вы заслужите прощение Господа! Молитесь о нём и верьте, и простит Он вас.

До позднего вечера стояли люди на коленях и искренне молились новому богу, прося его простить им их грехи и перестать гневаться. С заходом Солнца они разошлись по домам, чтобы на следующее утро снова собраться на площади и продолжить молить бога о прощении.

Отец Фотий не стал возвращаться на ночь в свою деревню, проведя её в хлеву одного из местных жителей. А утром ещё затемно он вышел на площадь и с глубокой радостью следил сейчас за тем, как один за другим собираются вокруг него люди. В молитвах они провели и этот день и так же начали следующий. А после полудня на площадь, на которой собралось уже три четверти деревни, пришли жрецы.

Верховный осмотрел коленапреклонённую толпу и покачал головой. Резко выдохнув, громким голосом, отчётливо слышным по всей площади, он заговорил:

– Радуйтесь, засуха заканчивается. Золотой Змей велел мне сказать вам, что через три дня придут дожди.

Он замолчал, ожидая услышать крики радости, и не ошибся. Люди действительно вскочили на ноги, чувствуя, как счастье накрывает их с головой. Если Золотой Змей сказал так, то, значит, так оно и будет – он никогда не ошибался. Площадь заполнили ликующие вопли, но вдруг их перекрыл бешеный голос, заставивший людей застыть на месте:

– Безумцы! Ваш ли идол это сделал? – кричал отец Фотий с искажённым лицом и бешенством в глазах, воздев руки к небу. – Только Единый Отец наш мог сотворить это чудо! Вы молились, и молитвы ваши были услышаны, так падите же на колени и принесите Господу хвалы за Его милость к таким грешникам, как вы! В Своём неизречённом милосердии Он простил вас, услышав ваши молитвы, и не стоит гневить Его, обращая свои мысли к вашему мерзостному идолу. – Обведя молчащих людей горящим взглядом, отец Фотий тихо сказал, – Великий Господь сделал это для вас, так возблагодарите Его за это. Он принимает вас, и вы должны отречься от всех тех мерзостей, что вы творили пред лицом нашего Господа. Вы должны креститься и очищенными прийти к Нему. На колени! – яростно выкрикнул он, и привыкшие к повиновению люди сразу же послушались. – Хорошо, дети мои, – уже спокойным голосом обратился к ним отец Фотий, – но вы не сможете прийти к Господу Богу нашему, пока не исторгнете прочь тех, кто продолжает поклоняться дьяволу. И в первую очередь тех, кто соблазняет вас искушениями его – их! – глядя в упор на жрецов, отец Фотий обвиняюще указал на них рукой. – Изгоните их, дети мои, этих отродий адовых, этих козлиц, дабы не могли они больше совращать овец Божиих.

Люди окаменели. Ослушаться священника они не могли – его Бог доказал свою мощь, и Он сейчас на их стороне, а Золотой Змей был бессилён. Но пойти против жрецов – невысказанно, невозможно! При малейшей мысли об этом их охватывал животный страх. Восторг, охвативший их какую-то минуту назад, сменился ужасом и смятением.

Верховный, равнодушно слушавший священника и уверенный в защите Золотого Змея, толпы не боялся. Но взгляд, брошенный на лицо Второго, заставил его насторожиться. Второй, несмотря на всё благоговение перед Верховным, несмотря на все его слова и запреты, сейчас взглядом, исполненным лютой злобы, прожигал священника, а выражение лица его и вся фигура говорили о том, что он в одном шаге от совершения убийства.

Коснувшись плеча Второго, Верховный качнул головой.

– Пошли, – коротко сказал он.

Второй не слышал, охваченный жаждой крови. Верховный застыл на мгновение, глядя прямо перед собой невидящим взглядом, и Второй вздрогнул, как бы выдернутый внезапно из глубокого сна. Он развернулся и, как автомат, направился к выходу из деревни. Кивнув, Верховный последовал за ним. Оставив позади отца Фотия, они вошли в рощицу и там остановились.

– Зачем ты обратился к Золотому Змею, – дёргаясь от еле сдерживаемого бешенства, прошипел Второй, – почему ты не дал мне его убить? Он был бы мёртв сейчас, и всё бы закончилось, а теперь он торжествует победу, и всё пропало!

Тяжело дыша, он смотрел куда-то мимо Верховного, боясь, что если посмотрит на того в упор, то не выдержит и ударит. Впервые в истории деревни непререкаемая власть Верховного

жреца оказалась под угрозой. Единственное, что останавливало сейчас Второго от открытого бунта – абсолютная уверенность в том, что за Верховным будет стоять Золотой Змей, такая сила, которой он не может ничего противопоставить, и которую не в состоянии переманить на свою сторону. Если бы Золотой Змей был сейчас на его стороне! Но это было не так, и в эту секунду Второй всеми силами души желал, чтобы его обычно такой любимый и глубоко почитаемый наставник был бы мёртв. И тогда уже он сам, став Верховным, получил бы доступ к этой силе и смог бы спасти деревню.

– Люди ушли, отвернулись от Золотого Змея, они поклоняются новому богу, а мы ничего не делаем! Почему, почему ты попросил Его увести меня оттуда, почему ты не дал мне его убить? Он был бы уже мёртв сейчас, и люди вернулись бы к нам, увидев, как слаб этот бог, а теперь... – он закричал зубами.

Какое-то время Верховный без выражения смотрел на Второго.

– Ты слишком нетерпелив, – заговорил он негромко, – ты хочешь всего и сразу, так не бывает. Сейчас ты желаешь моей смерти, – при этих словах Второй напрягся, но промолчал, – думая, что как только ты станешь Верховным, всё пойдёт как прежде. Это не так, прежнего уже никогда не будет. И ты ошибаешься – этот бог отнюдь не слаб. Он привлёк к себе уже очень многих, а с каждым новым, верящим в него, он становится только сильнее. И почему ты думаешь, что после смерти священника люди поверят в слабость этого нового бога? Вспомни, что священник говорил им – этот бог нередко рано призывает к себе праведников, и особенно он любит пострадавших ради него. А ты ведь не станешь отрицать, что убит он будет из-за своего бога? – Второй покачал головой. – То-то же. Но мы одолеем этого нового бога и вернём людей, надо только выждать время...

– Ждать? Снова ждать?! – Второй уже с нескрываемым бешенством уставился на Верховного. – Мы уже ждали, и к чему это привело? Деревня расколота, большая часть людей ушла к христианскому жрецу, а мы – мы! – жрецы Золотого Змея, изгнаны прочь. Чего ещё мы ждём – чтобы нас уничтожили? С нами Золотой Змей, а с ним кто – бог, в которого не верят даже те, кто приносит ему жертвы! – со страстной мольбой, круто смешанной со злобой, он смотрел на Верховного. – Ты же знаешь, дождь, который должен скоро прийти, придёт не потому, что они молились этому богу, просто время его наступает. Ты это знаешь, я это знаю. А он, – лицо Второго перекопилось от ненависти, когда он кивнул в сторону деревни, – он убедил их, что это работа его бога, и они верят ему! – Второй в отчаянии бессилия рухнул на землю, спрятав лицо в траве.

Несколько секунд Верховный молчал, глядя на вздрагивающую спину Второго.

– Люди к нам вернуться, дай им время, – заговорил он. – Я говорил с Золотым Змеем, просил Его отделить их от Себя, но не причинять им вреда. Он принял мою просьбу. Пройдёт несколько лет, и люди сами придут, лишённые защиты Золотого Змея. Новый бог не станет им помогать так же, как это делал Золотой Змей, и они поймут, кто им нужен. Они вернуться, у них не будет выбора. Но сейчас мы ничего не можем сделать – ты их видел сам. Мы можем вернуть их немедленно, силой, но это ложный путь. Они должны это сделать сами, понимая, что других богов для них быть не может, добровольно, а не из страха или насильно. Если мы заставим их вернуться сейчас, они затаят злобу, которая вырвется наружу рано или поздно. Отбрось чувства и подумай бесстрастно: кого ты станешь отправлять на заработки – того, в ком не можешь быть уверен? Каждый из них знает тропы, которыми можно провести врагов без страха, что те будут прогнаны Золотым Змеем. Каждый из них знает время, когда Золотой Змей наиболее силён, и время, когда сила его слабеет. Возвращённые насильно, они будут думать о предательстве. Золотой Змей мог бы непрерывно читать их мысли, но для этого ему необходимо такое количество жертв, которое мы не сможем ему обеспечить – ты же видишь, слишком мало сейчас осталось тех, в ком мы можем быть уверены, а засуха истребила почти все наши припасы и большую часть зверей в лесах. И именно потому, что нас так мало, нам нужен каждый.

И теперь ты должен понимать, что все люди должны быть всей душой с нами заодно. Очень тяжёлые времена нам предстоят, большой силой обладает новый бог. Только если мы объединимся, мы сможем выстоять. Сейчас нам нужно только продержаться первую зиму, и Золотой Змей поможет нам. Дальше станет легче: благодаря Ему мы сможем прожить не один год в лесу, только увеличивая свой достаток и свою силу, они же, лишённые Его покровительства, рано или поздно начнут испытывать лишения, и их вера в нового бога начнёт исчезать. А это бог силен только тогда, когда в него верят, иначе он сам становится бессилён. И как только это произойдёт, мы вернём себе всё, что потеряли, и вернём с лихвой, и деревня наша будет жить.

Второй лежал без движения, и непонятно было, слышал ли он вообще хоть слово из того, что говорил наставник. Верховный нахмурился, глядя на него, и жёстко сказал:

– Посмотри, на что ты похож, ты ведёшь себя недостойно. Встряхнись, соберись с силами. Нам нужно собрать тех, кто остался верен Золотому Змею. Их необходимо увести из деревни, и негоже, если они увидят Его жреца таким, каков ты сейчас. Ты должен быть спокоен, когда они придут. У тебя есть несколько минут, прежде чем они доберутся сюда, не трать их попусту.

Верховный отошёл в сторону и опустил на древесный ствол, лежащий на земле. Взгляд его вновь стал жутким, отсутствующим и устремлённым куда-то вглубь. Минуту спустя он поднялся и снова подошёл ко Второму, испытующе глядя на него. Осмотр удовлетворил Верховного, и он кивнул, видя перед собой исполненного достоинства жреца, а не отчаявшегося человека, каким тот был совсем недавно.

А ещё через несколько минут вокруг них стали собираться жалкие остатки сохранившихся верность Золотому Змею. Уже не первый день они со страхом наблюдали за односельчанами, совершающими святотатство, обращаясь к другому богу, и то, что случилось в этот день на площади, не осталось ими незамеченным. Страх превратился в ужас. И когда каждый из них ощутил непреодолимое стремление отправиться к рожице, в которой обитали жрецы, это было воспринято ими с громадным облегчением и радостью – Золотой Змей не отвернулся от них, Он жив и Он позаботится о них!

Не взяв ни единой вещи, небольшая группа отправилась туда, куда вёл её зов Золотого Змея. Невыносимо палящее Солнце раскалило землю, заставляя воздух дрожащими струйками подниматься вверх. В этом зыбком мареве всё утратило реальность и выглядело испаряющимся, исчезающим в небытие. В напряжённом молчании люди проходили по площади, стараясь не смотреть на коленопреклонённые фигуры тех, кто некогда были их близкими, а сейчас стали чужими и страшными. Сжигаемая солнечными лучами площадь плыла и мерцала перед глазами идущих, а люди на ней непрестанно меняли очертания, перетекая, казалось, один в другого. Зрелище это вызывало священный ужас у тех, кто уходил, наводя на мысли, что их односельчане у них на глазах перестают быть людьми, превращаясь в призраков.

Но те же мысли посещали и тех, кто находился сейчас на площади. Тех из них, кто безмолвно следил за уходящими, и видел, как они постепенно исчезают в дрожащем воздухе, растворяясь в нём. Другие же целиком ушли в молитвенный экстаз и не видели ничего. Их, по сути, в этот момент вообще не было тут, испытывающих такое слияние с Богом, которое им никогда не приходилось ощущать ранее, более того, о возможности которого они до этого и не подозревали.

Те, кто смотрел вслед уходящим, вернулись к молитве, едва лишь зыбкие фигуры окончательно исчезли вдали. И только священник долго не отводил взгляда от леса, и странное выражение застыло на его лице. Наконец он отвернулся от рожи и посмотрел на свою паству, а руки его слегка дёрнулись, как бы стремясь защитить людей, охранить их от любых опасностей.

Таким образом, новообращённые остались жить на прежнем месте, а не желавшие других богов, кроме Золотого Змея, навсегда покинули деревню, перебравшись в лес, что рос вплотную к болоту. Один только раз, в первую же ночь, после кратких переговоров Второго

с одним из тех, кто остался в деревне и стал вынужденным главой её, изгой смогли вернуться обратно и забрать свою скотину и кое-что из своих вещей. И больше с тех пор никто из ушедших в деревню не вошёл.

Однажды пасмурным днём середины сентября отец Фотий пришёл к краю болота, в который уже раз за эти месяцы. Оно, вызывая и отвращение, и ужас, притягивало его к себе, как притягивает магнит железную стружку. Многие часы проводил он в наблюдении, одолеваемый одной только мыслью – почему же дьявол избрал себе это дикое малолюдное место, почему он выбрал для себя эту деревню и её жителей, а не отправился в какой-нибудь большой город, где мог бы пожить гораздо сильнее?

Вопрос, быть может, и нелепый, терзал отца Фотия непрестанно и, надо сказать, повод для терзаний у него был. Отец Фотий чувствовал личную ответственность за каждого из двух сотен людей, живущих в деревне, и вход в ад, расположившийся вплотную к ней, доводил его до исступления. Кроме того, покинувшие деревню дьяволопоклонники расположились вплотную, подвергая опасности неокрепшие души новообращённых христиан. С огромной радостью отец Фотий изгнал бы их как можно дальше, спасая своих овец, но он прекрасно понимал, что пока их лжебог находится здесь, они не покинут это место. Много раз, и днём, и ночью, в одиночку и приводя с собой всю деревню, он не только приходил к болоту, но и заходил в лес, останавливаясь среди землянок, и читал проповеди, то проклиная изгоев, то призывая их покаяться и отречься от своего идола. Верховный не мешал ему, не только не видя в этом вреда, но, наоборот, рассчитывая, что отступники, со временем, видя свои родных и то, как они живут с помощью Золотого Змея, начнут тосковать по прежней жизни, от чего отец Фотий приходил в исступление. Он видел, что ничего не может поделать с этими людьми, и испытывал непрерывный страх за тех, кто пошёл за ним, понимая, что и сам Золотой Змей и те, кто остался ему верен, представляют страшную угрозу их слабым душам. И всё чаще отец Фотий думал о том, что он не случайно оказался здесь, что Господь избрал его для того, чтобы он сразился с дьяволом и восторжествовал над ним, уничтожил или изгнал его прочь.

И сейчас он сидел на камне, неотрывно глядя на болото, и снова и снова прокручивал в голове мысли о том, что бы здесь делать дьяволу, и как он, отец Фотий, мог бы изгнать его из этого места. Всё, что мог, он уже сделал – он освятил это место, он молился об изгнании демона сам и силой своего авторитета заставил молиться и своих людей, несмотря на первоначальное отчаянное сопротивление и неприкрытый страх перед своим прежним Богом. Отец Фотий лично днём вошёл на болото и тщательно окропил каждый клочок земли святой водой. Но ничего не помогало – его люди говорили ему, что они всё время, хоть и очень слабо, чувствуют присутствие Золотого Змея, несмотря на их отлучение от своего прежнего бога. Но что гораздо хуже, сам отец Фотий начал ощущать это присутствие.

Целиком уйдя в собственные мысли, с невидящим взглядом, устремлённым на болото, отец Фотий не сразу заметил, что он здесь уже не один. Несколько человек вышли из леса, и часть их направилась к болоту – двое взрослых, подросток и ребёнок, девочка. Ещё два человека остались ждать у опушки. Взрослые шли медленно, но уверенно, поддерживая ребёнка, которого шатало то ли волнения, то ли по какой другой причине. Подросток следовал за ними чуть позади. Люди прошли среди невысоких деревьев, редко растущих на болоте, и остановились у трясины. Под чьей-то ногой хрустнула ветка, сухо и оглушительно громко в полной тишине этого серого дня, и отец Фотий, выдернутый из своих мыслей наружу, понял, что смотрит на омерзительный ритуал человеческого жертвоприношения. Двое взрослых – жрецы, стоявшие по обе стороны от девочки, одновременно указали ей на топь. Сильно качнувшись, девочка выпрямилась, обернулась назад, глядя мимо подростка на двух взрослых, стоявших у опушки и, повернувшись снова лицом к топи, сделала решительный шаг вперёд.

На глазах у потрясённого отца Фотия, вскочившего с камня, ребёнок, не издав ни звука, с невероятной скоростью ушёл с головой в трясину. А жрецы, убедившись, что дело сделано,

вышли из болота в сопровождении подростка и направились к тем, что неподвижно стояли всё это время на опушке. По всей видимости, то были родители погибшей девочки. Несколько секунд – и они скрылись среди могучих вековых сосен.

Первым порывом отца Фотия было желание немедленно уничтожить этих богомерзких людей, которых неизвестно, как земля носит. С громадным трудом он взял себя в руки и сел обратно на камень. Это было знамение, Бог привёл его сюда сейчас намеренно и он, отец Фотий, должен понять зачем, что именно должен он сделать. В том, что эти люди оскверняют землю, на которой живут, воздух, которым дышат, отец Фотий не испытывал ни малейшего сомнения, но Господь предназначил ему спасать людей, и он истово следовал своему призванию. Обращение такого количества глубоко погрязших во грехе людей, как в этой деревне – прямое тому доказательство, но эта жалкая кучка дьяволопоклонников не желала спасения и кощунственно отрицала всемогущество Господа, отрицая даже то, что было неоспоримо для любого – то, что и засуха, и дождь были ниспосланы деревне в устрашение и обращение. Те, чьи души ещё не до конца очерствели, увидели это и с омерзением отринули своего лжебога, придя в лоно истинного Господа, но не эти изверги. Они, безусловно, подлежали уничтожению и заслуживали его. И он как пастырь своего стада ради спасения своих овец был обязан сделать это и сделал бы, если бы не глубокая убеждённость в том, они, эти нелюди, убитые по его приказу, попали бы к дьяволу, торжествующему свою победу. И именно поэтому отец Фотий обязан был привести их к истинному Господу даже против их воли, чтобы не дать дьяволу восторжествовать.

На долгие часы застыв на своём камне, отец Фотий напряжённо размышлял, как можно спасти настолько заблудших людей, полностью слепых к открывшейся им истине. Долгие сентябрьские сумерки успели уже перейти непроглядную ночь, когда на него снизошло озарение. Он точно знал, что надо делать. Раз Господь привёл его сюда, значит, Он поможет, и отец Фотий спасёт каждого человека в этой деревне.

Вернувшись в деревню, он поднял всех своих людей и призвал их прийти на площадь. Вскоре, в темноте и сырости холодной сентябрьской ночи, освещаемые лишь светом немногочисленных факелов, они собрались вокруг того, кто стал для них теперь единственным, указывающим путь, по сути – голосом их нового Бога.

Отец Фотий обратился к собравшимся:

– Дети мои, известно мне, как скорбите вы по заблудшим своим братьям и сёстрам, погрязшим в грехе дьяволопоклонства, и как ненавидите вы этот грех. Ведомо мне также, как сильно желаете вы привести их в истинную веру и в какое отчаяние приходите, понимая, что дьявол слишком силен в их душах, и что ослепил он глаза их и заткнул уши их, сделав их глухими к зову милосердного Господа нашего, и я скорблю о них вместе с вами. Но я собрал вас в этот ночной час не для горестных мыслей и плача, а для радостной вести – откровение Господне было мне сегодня! Он открыл мне, как можем мы спасти их, и с Божьей помощью мы сделаем это! Мы выжжем святым огнём дьявола из их душ, и обретут они спасение в Господе нашем и жизнь вечную. Идите, дети мои, со мной, докажите вашу любовь к Господу и к ближним вашим, и мы приведём этих заблудших овец к всеблагому Богу. Огнём очистятся они и живы будут во веки веков!

Такова была сила убеждённости священника, что люди не колебались ни секунды. Посоветовавшись между собой, они разделились на две части, одна из которых осталась в деревне, начиная разводить огромный костёр, а другая, привязав к длинным и прочным палкам остро заточенные ножи, во главе со священником пошла к землянкам. Как много раз до этого, они опустились среди землянок на колени и начали громко молиться, призывая милость Господню к грешникам, а затем по резкому жесту священника вскочили на ноги и вонзили свои пики в сделанные из веток крыши. И эта ночь, мрачная и тоскливая, скрыла от глаз гибель почти всех беглецов, спящих и беззащитных перед неожиданным нападением.

Отчаянные крики уничтожаемых людей разбудили жрецов, находившихся в своём каменном мешке, но Верховный не успел обратиться к Золотому Змею с мольбой о помощи. Тот ударил по нападающим сам, настав на них такой смертельный ужас, что они в слепой панике, не разбирая дороги, ринулись к своим домам и забились кто куда. Но слишком мгновенным было нападение, и большая часть спавших, даже не успев проснуться, превратилась в быстро остывающие трупы, а жалкая кучка выживших, по большей части раненых людей вместе со жрецами скрылась в единственном безопасном для них теперь месте – на болоте.

Верховный и Второй, оставив сбившихся вместе людей, отошли в сторону чтобы решить, что им делать.

– Ну как, Верховный, – приглушённым, чтобы не слышали остальные, голосом заговорил Второй, – как нам быть дальше? Что теперь ты предлагаешь делать? – в тоне его послышалась чуть заметная злая насмешка, и он с трудом удержался от вопроса: «Снова ждать?», а вместо этого почти издевательски сказал, – я целиком полагаюсь на твоё решение.

Очень тихим, лишённым эмоций голосом, Верховный ответил:

– Возможно, ты был прав, предлагая убить священника, но я действовал так, как считал необходимым и наилучшим для деревни. Сейчас уже поздно гадать, как могло бы обернуться дело, действуй мы так, как ты требовал.

Второй кивнул. Вспышка злости уже угасла, и в нём осталась только глухая безнадёжность.

– Это так, – отозвался он, – мы потеряли всё. У меня к тебе только один вопрос – я знаю, ты говорил с Золотым Змеем – мы сможем выжить? – Второй пытался рассмотреть выражение лица Верховного, но не мог, тьма практически растворила его.

– Нет, – коротко ответил тот.

Второй почувствовал, как силы внезапно покинули его. Мешком опустившись на землю, он хрипло выдохнул:

– Вот как... Почему?

Верховный сел рядом, не обращая внимания на мокрую траву.

– Нам осталось слишком мало. Выжившие почти все ранены, из-за засухи очень мало припасов, а впереди зима. У нас исчезла возможность жить, даже если Золотой Змей поглотит их всех, – Верховный посмотрел в сторону деревни, и Второй попытался разглядеть выражение его лица, но не смог. – Скоро придут враги, Золотой Змей может их прогнать, ты сам это видел, – заговорил Верховный медленно, – Он даже кого-то может убить сразу, а остальных через какое-то время, но времени потребуется слишком много. – Он сделал паузу и посмотрел на Второго, – как ты думаешь, скольких сможет остановить Он? Несколько десятков, может быть, несколько сотен, но недолго. А если придут тысячи?

Тряся головой, Второй воскликнул:

– Нет, нет, это невозможно, откуда придёт столько людей!? Надо убить священника и заставить тех снова принять власть Золотого Змея! С Его помощью мы можем вернуть себе деревню. У нас будет достаточно людей, чтобы уничтожить всех врагов. Верховный, мы должны попытаться!

Верховный глубоко втянул воздух и задержал его в груди, а затем резко выдохнул.

– Я больше, чем ты, знаю о том, что происходит за пределами нашей общины. Вокруг не осталось ни одной деревни, которая продолжала бы поклоняться древним богам. Почти все перешли в новую веру. Почти... – голос его стих.

– Почти, – эхом отозвался Второй, – но не все. И те, кто отказался...

– Уничтожены, – кивнул Верховный.

– Уничтожены, да? – Второго начала сотрясать нервная дрожь. – Ты знал об этом и медлил? Ждать, говорил ты? Чего – уничтожения, да? Отвечай! – он схватил Верховного за плечи,

охваченный диким желанием разможжить голову наставника о то кривое дерево, к которому она была прислонена.

– Ты считаешь меня юродивым? – не делая попыток освободиться, спросил Верховный, – ты думаешь, я слабоумен и труслив? Ты знаешь, что это не так. Слишком велика пока сила нового бога и люди перешли к нему, мы не могли этого избежать. Но через какое-то время они бы поняли, с Кем им надо быть. У остальных не было богов, подобных Золотому Змею, они ничего не могли противопоставить новому богу, а мы могли. Когда они вернулись бы, мы бы стали намного сильнее, чем до этого, возможно, непобедимы. – Верховный на секунду замолчал. – Я не безумен, и я просил Золотого Змея следить за мыслями священника, чтобы предупредить возможное нападение на нас, хоть и не верил в это... – в этот момент голос его на мгновение прервался. После небольшой паузы Верховный заговорил снова, – постоянно Золотой Змей читал его мысли – он не желал нападать на нас.

– Не желал – отпустив Верховного и отвернувшись, пробормотал Второй, – не желал, да вдруг напал.

Слабый свет луны пробился из-за облаков, смешавшись с темнотой, и заставил мерцать мокрые от бесконечного дождя деревья. Верховный, закрыв глаза, прижался к древесному стволу и тем самым вынудил сорваться с ветвей капли, упавшие на собеседников. Но ни один из них не обратил на это внимания.

– Я знаю, почему это произошло, – заговорил он еле слышно, – но сейчас это уже не имеет значения. Нам надо было просто ждать. Год, два, три, может, больше, но я знаю – они вернулись бы к Золотому Змею. Им пришлось бы узнать, что нет для них другого Бога, кроме Него, но... – голос Верховного прервался, и он резко наклонился вперёд, закрыв лицо руками и тяжело, судорожно дыша.

В удивлении смотрел Второй на Верховного, не веря своим глазам. Его наставник, всегда спокойный, сдержанный, никогда не выходил из себя и ни разу не повысил голос, он всегда был образцом выдержки для Второго, а сейчас, впервые за всё время, что Второй знал Верховного, тот был в таком состоянии. Растерянный и смущённый, он нерешительно дотронулся до плеча наставника, а затем убрал руку, испытывая тягостное чувство бессилия.

– Мы бы смогли выстоять, – Верховный выпрямился и заговорил снова, – вместе с Золотым Змеем, со всеми людьми, которые были бы с Ним не из страха перед наказанием, а просто потому, что Он – их Бог. Но, похоже, новый бог действительно сильнее. Он захотел нас уничтожить, и он добился своего. Но, – Верховный поднял голову, и Второго потрясло выражение торжествующей радости, что появилось на лице наставника, совершенно неуместное сейчас и от этого ещё более жуткое, – это не всегда будет так! Придёт время, и Золотой Змей обретёт новую силу и новое величие, я предвижу это! – выражение торжества исчезло с лица Верховного, и оно снова стало тусклым и безжизненным, – но это потом, а сейчас у нас только один путь, – он кивнул в сторону ближайшей топи, – точнее, у вас.

– А ты?

– Я умру вне Золотого Змея.

– Ты не можешь! – потрясённо прошептал Второй. – И зачем, неужели ты так наказываешь себя?

– Нет. Как Верховный жрец Золотого Змея, я, безусловно, несу ответственность за всё, что произошло, но умру я вне Бога по другой причине. – Верховный поднял голову и посмотрел на небо, начавшее уже светлеть на востоке. – Как Верховный жрец, я также несу ответственность и за то, чтобы род жрецов не прервался. Но сейчас этот бог слишком силен, новые жрецы не смогут жить здесь, как прежде.

– Я останусь с тобой, – горячо заговорил Второй, – мы будем вместе и найдём тех, кто сможет продолжить вслед за нами...

Верховный покачал головой.

– Это невозможно. Мы не сможем выжить без помощи, в окружении врагов. Как ты будешь приносить жертвы Золотому Змею, где ты будешь их брать? Как ты сможешь прокормить себя, зная, что чем дальше ты отойдёшь от обиталища Золотого Змея, ища добычу, тем легче тебя убьют? Сколько ты сможешь продержаться – месяц, год? Но конец твой ясен – ты будешь убит, и не будет никого, кто отнёс бы твоё тело к Нему. А ведь ты не обычный человек, как другие, ты жрец Золотого Змея, и вне Него тебя ждёт участь худшая, чем смерть. Ты не попадёшь к Нему никогда, тело твоё сгниёт в лесу, а душа твоя безумным призраком будет блуждать вокруг.

Дослушав Верховного в полном молчании, Второй спросил:

– А что хочешь ты? Зачем ты хочешь умереть вне Золотого Змея, неужели ты сам выбрал себе то, от чего предохраняешь меня?

Тусклые сентябрьские сумерки начинающегося утра показали странную усмешку, появившуюся на лице Верховного, не то горькую, не то язвительную.

– Я? Я буду ждать. Мёртвый. Пока не появится тот, кто сможет пойти по нашим стопам и тогда, когда это станет возможным. И только когда я сделаю жрецом нового человека, я смогу воссоединиться с Золотым Змеем – ты знаешь, Верховный не может уйти, не оставив преемника.

– А если никто не появится? – негромко спросил Второй.

Верховный качнул головой и невесело улыбнулся.

– Значит, Золотой Змей останется без жрецов, а я останусь без Золотого Змея.

– Но как же ты сможешь сделать подобное? Никто ведь, ни один человек не может жить после смерти вне Золотого Змея.

– Я говорил с Ним. Он ответил, что это не совсем так, для меня это возможно, а в том, что я не могу сам, Он может помочь, но нужна будет жертва, большая жертва! – Лицо Верховного стало настолько страшным, что Второй отшатнулся, увидев это выражение. – Да, большая жертва, – глухо, со злой усмешкой, проговорил Верховный, – я приведу к Золотому Змею всю деревню. Никто не останется здесь живым.

По спине Второго пробежал холодок от улыбки, похожей на ухмылку черепа, появившейся на лице Верховного, и он тихо спросил:

– Золотой Змей прикажет им идти к Нему?

– Нет, – всё с той же жуткой ухмылкой сказал Верховный, – они придут сами.

– А священник, как же быть с ним? Неужели ты позволишь ему сбежать, или Золотой Змей заставит людей самих бросить Ему священника?

– Я не позволю ему уйти. Да, эти межеумки, преступившие закон, бросят священника к Золотому Змею, стоит Ему приказать, но он так легко не отделается. Он придёт к Золотому Змею сам, добровольно. – Верховный на несколько секунд замолчал, и лицо его стало спокойным. – Но это потребует долгого времени. И у меня оно есть, у вас же его нет. Вы уйдёте сейчас, иначе вы погибнете, потеряв возможность присоединиться к Золотому Змею. Я останусь и начну перетаскивать мёртвых...

Второй перебил его:

– Нет! Мы все должны это делать, не ты один. Мы отдадим тела Золотому Змею и только тогда уйдём вслед за ними к Нему.

– Хорошо. Эти мёртвые окажутся у Золотого Змея уже скоро, а остальные придут к нему позже. – Верховный опять, как и в начале разговора, повернул голову в сторону деревни, и на этот раз Второй увидел, с какой лютой ненавистью тот смотрел на дома. – Они ещё не знают этого, но они уже мертвецы, они убили себя сами, сделав это.

Верховный замолчал. Через какое-то время он встряхнулся и с усилием заговорил:

– Как я сказал, здесь не останется никого. Только потом, много лет спустя появятся те, с чьей помощью Золотой Змей вернёт себе могущество. Много времени пройдёт, прежде чем

это станет возможным, но я умею ждать. – Сделав паузу, Верховный пристально посмотрел на Второго. – Слушай меня сейчас со всем вниманием и запоминай всё, что я тебе скажу, ибо, быть может, мы с тобой больше никогда не увидимся. Если моё тело будет уничтожено, Золотой Змей сообщит тебе об этом, и ты тогда станешь Верховным, и мои обязанности лягут на тебя. Поэтому, пока я могу это сделать, я должен рассказать тебе о том, что знаю, и сказать, что тебе нужно будет делать. Ещё несколько лет назад я начал готовиться к тому, чтобы увести деревню с этого места. – При этих словах Второй застыл, ошеломлённо глядя на Верховного. Увидев это, наставник слабо улыбнулся и кивнул. – Я не сошёл с ума, не бойся, неужели ты думаешь, что Золотой Змей позволил бы негодному человеку быть Его Верховным жрецом? Мы должны были уйти вместе с Ним. Давно уже с возрастающей тревогой я следил за тем, что происходит во внешнем мире, много раз я при помощи Золотого Змея сливался и с теми, кто уходил на заработки из нашей деревни, и с чужаками, из тех, кто приходил к нам. Страшные вещи творятся сейчас повсюду, никто из тех, кто пытался сохранить верность своим богам, не выжил нигде в ближайшей округе. Те, кто пытался сопротивляться, были уничтожены особенно жестоко. А если они убивали жрецов нового бога, священников, то очень скоро видели, как их накрывает толпа, жаждущая принести кровавые жертвы своему богу. Свирепая толпа, которую присылает их бог, с наслаждением убивающая без разбора всех, от мала до велика. Я говорил тебе об этом. Истребление грозило и нам, а Золотой Змей не смог бы нас защитить от того количества врагов, что пришли бы за нами. Но Золотой Змей сказал мне, что есть способ, единственный способ сохранить деревню – Он должен стать сильнее.

Второй, резко наклонившись к Верховному, сдавленным, свистящим шёпотом спросил:

– Почему, почему ты не сказал мне об этом раньше, ты обязан был...

– С каких пор, – жёстко оборвал его Верховный, – Второй, ещё помнящий преемничество, считает, что может указывать Верховному жрецу, что тому говорить? С каких пор Второй думает, что имеет право решать те вопросы, которые его не касаются? Неужели ты забыл, что положение Второго не позволяет тому вмешиваться в дела, что находятся только в ведении Золотого Змея и Его Верховного жреца? Я сказал тебе раньше ровно столько, сколько тебе полагалось знать. Я говорю сейчас больше потому, что это ты знать должен. Так слушай меня и молчи. О некоторых вещах я мог бы рассказать тебе и раньше, но твой норв – одна из причин, по которой я не стал тебе говорить о них. Ты слишком горяч и нетерпелив и пытаешься сразу действовать там, где требуется выдержка и хладнокровие, вынуждая Золотого Змея тратить силы на то, чтобы тебя сдержать.

Второй, опустив голову, глухо сказал:

– Прости меня, Верховный.

Наставник вздохнул.

– Твоей вины нет в этом, со временем ты научился бы владеть собой. Но не о том речь. Веками наша деревня процветала под покровительством Золотого Змея, обитающего в этом болоте, но несколько лет назад стало ясно, что более жить здесь мы не можем, так как, оставшись, умрём. И Золотой Змей сказал, что один только путь есть для нашей деревни – Он должен стать сильнее всех богов на всей земле, и все люди будут служить Ему. И Он назначил соответственную жертву. Ты не мог не обратить внимания на то, что люди из нашей деревни стали чаще уходить на заработки, что меха, равным которых нет ни у кого, мы стали добывать и продавать в несколько раз больше, и что, возвращаясь, все пригоняли с собой скотину, которую Золотой Змей сразу принимал к себе, кроме стельных коров, суягных овец и супоросых свиней. – Второй кивнул. – Около десяти тысяч голов скота требовалось Золотому Змею, чтобы он смог начать осуществлять задуманное. Три тысячи голов Он уже поглотил за эти годы, но засуха прервала покупку скотины, а затем и... – Верховный ненадолго закрыл глаза и после короткой паузы продолжил, – ты должен знать, что от тебя требуется, если появится тот, кто сможет взять на себя реческие обязанности, а меня не станет. Если Золотой Змей

призовет тебя, ты должен будешь обратиться к предыдущему Верховному, и он передаст тебе те знания, что передал бы я, будь у нас время на это. Затем ты обучишь нового жреца всему тому, чему учил тебя я. Золотой Змей и я определили путь, по которому нам суждено было пойти, и сейчас я поведаю его тебе, чтобы ты рассказал о нём новому жрецу. Как только Золотой Змей станет достаточно силён, чтобы сдвинуться с места, новый жрец и люди во главе с Золотым Змеем отправятся к ближайшему городу. Там они должны будут купить себе землю и жить на ней, не привлекая к себе внимания. Тем временем Золотой Змей при помощи действующего и предыдущих Верховных овладеет главами этого города, подчинив их души себе, и вскоре установит свою власть во всём городе. Оставив там наместников, Он отправится к следующему городу, пока все города в округе не будут во власти Золотого Змея. Далее я заглянуть не могу, и потому новый Верховный жрец к этому времени должен быть готов к тому, чтобы принять на себя всю полноту ответственности за свои решения и поступки. Ты, Второй, в нарушение всех правил сменив меня на посту Верховного уже будучи в мире Золотого Змея, должен будешь нарушить и ещё одно – ты не сможешь жить так, как полагается жрецу Золотого Змея после перехода в Его мир. Пока ты не сочтёшь, что новый Верховный стал тем жрецом, который может в полной мере исполнять свои обязанности и называться Верховным по праву, твоё служение Золотому Змею не окончится. Ты будешь обязан всецело помогать новому Верховному и руководить им при необходимости, даже если он не обращается к тебе за помощью. Но, как я сказал, твоей обязанностью это станет только в том случае, если моё тело будет уничтожено. Ты слышал меня, и теперь ты знаешь всё, что тебе необходимо знать, и мы должны заняться другими делами.

– Верховный, подожди, – напряжённо глядя на наставника, спросил Второй, – а почему Золотой Змей не поглотил душу этого священника, – при этом слове по его лицу пробежала судорога ненависти, а голос изменился, став сдавленным, – и в его тело не вошёл кто-нибудь из предыдущих Верховных? Он бы смог управлять им, и священник перестал бы быть нам опасен – ядовитые зубы этой гадюки были бы вырваны, оставив её живой, если уж убивать его было нельзя?

– Ты напрасно думаешь, – с горечью сказал Верховный, – что эта мысль не посещала нас. Если бы можно было так просто справиться с этой бедой, но нет. Этого бога не интересуют тела, ему нужны только души, и убитый священник или с извлечённой из тела душой – для него разницы нет никакой. К нам в любом случае пришли бы мстители-убийцы. Так что не будем тратить время зря, его мало осталось – мы ответственны перед нашими мёртвыми.

Поднявшись, Верховный кивнул головой Второму, приглашая его идти за собой, и направился к немногим выжившим в этой бойне людям.

Невесёлый рассвет сентября, серый и тусклый, растёкся между людьми, тесно прижавшимися друг к другу, сидя на поливаемой бесконечным дождём земле. Спать никто не ложился, но оглушение после ночной резни сковало их, и они оцепенело сидели, слушая непрерывный шорох капель среди листвы. Звук шагов привлёк их внимание, и люди, как один, посмотрели на тех, кто всегда управлял жизнью деревни. Эти жрецы, до них другие, за теми третьи и так далее – бесчисленный ряд, уходящий в глубину столетий. И сейчас люди ожидали, какая судьба была решена им жрецами.

Верховный и Второй приближались к группе изгнанников с одним и тем же тягостным ощущением. Жалкая кучка раненых, обречённо сидящих на земле людей – всё, что осталось от мирной, процветающей ещё несколько месяцев назад деревни. Той, что столько веков существовала на этом месте и теперь была обречена гибели. Да, оставались ещё те, кто отрёкся от Золотого Змея, предал Его, но они, во-первых, уже не входили в тот непостижимый единый организм, состоящий из Бога и людей, а во-вторых, их судьба была столь же ясна для Верховного, как и судьба сидящих сейчас перед ним – они также уйдут к Золотому Змею все до одного, не пройдёт и нескольких лет.

Подойдя к людям, жрецы остановились. Верховный скользнул по ним взглядом, на мгновение задержав его на сидящем чуть поодаль подростке-преемнике, которому никогда уже не суждено будет стать жрецом. Едва уловимо качнув головой, он перевёл взгляд на мутное небо, пробитое во многих местах деревьями, тянущими кверху свои чёрные кривые стволы.

– Я не стану лгать вам, – заговорил Верховный, и люди затаили дыхание, – говоря, что путь у вас только один. Выбор у вас есть. Вы можете уйти отсюда, куда глаза глядят, и тогда вы, возможно, спасётесь, – вздох ужаса, вырвавшийся одновременно у всех людей, стал ответом на эти слова. Верховный кивнул. – Хорошо, этого вы не хотите. Есть другой путь – вы останетесь жить здесь, в вечном страхе, боясь хоть на несколько шагов отойти от обиталища Золотого Змея. А рано или поздно, скорее рано, вас убьют по одному, и вы никогда не сможете воссоединиться с Ним.

Люди окаменели. Верховному не было необходимости продолжать, чтобы указать, куда ведёт третий путь. Это было ясно без слов. Но тем не менее он продолжил:

– Да, выбор есть, но иного пути у вас нет, и вы все понимаете это. Золотой Змей ждёт вас, Он зовёт вас, своих детей, и вы отправитесь к Нему не как те, кто убегает от жестокой смерти, а как герои, жертвующие свои жизни Богу, ради того, чтобы Он мог существовать далее. Золотой Змей отблагодарит вас за эту жертву, дав вам самое лучшее из того, что Он может дать человеку.

Один из раненых угрюмо спросил у жреца, стоявшего перед ним:

– Разве Золотой Змей не сможет защитить нас здесь?

– Может, – ответил Верховный. – Вы не сможете прожить здесь долго. Ваша жизнь будет непрерывным умиранием в постоянном страхе перед всем.

– Золотой Змей всегда спасал нас от врагов и уничтожал их! – воскликнула женщина, прижимавшая к себе маленького ребёнка. – Почему же Ему и в этот раз не спасти нас? Он не может быть так слаб, Он сегодня доказал это, прогнав тех, кто хотел нас убить!

Верховный покачал головой.

– Золотой Змей не убивал наших врагов, – ответил он, – Он помогал нам делать это. Но нас слишком мало. Не Золотой Змей слаб – мы слабы. Снова говорю вам – здесь вы в безопасности. Но захотите ли вы жить так, питаясь лягушками, червями и корой, не имея возможности покинуть болото?

На какое-то время воцарилась тишина. В мрачном молчании сидели люди, готовясь к неизбежному. По ту сторону смерти их, конечно, ждала прекрасная жизнь, это обещал им их Бог, но они-то жили здесь и сейчас и терять эту и без того короткую жизнь им не хотелось совершенно. Но ещё больше угнетала их мысль, что на земле не останется их потомков и род их прервётся навечно.

Жрецы также стояли молча, не мешая людям примиряться с неизбежным. Выждав какое-то время, Верховный шевельнулся и приготовился говорить снова, но очень тихий, еле слышный голос остановил его:

– Верховный, – произнёс этот голос, – ты всё время говоришь – вы должны уйти, но ни разу не сказал – мы. Что это значит, Верховный – ты не уходишь с нами? Ты остаёшься здесь?

На Верховного смотрели около двадцати пар глаз, с тревожным напряжением ждущих ответа. Жрец медленно обвёл взглядом каждого, прежде чем ответить:

– Да, я не уйду с вами, – откликнулся он наконец, – но я не остаюсь здесь. Род жрецов не должен прерваться, и я буду ждать того, кто сможет его продолжить.

– Но где же ты будешь ждать, Верховный?

– По ту сторону жизни.

Говорить больше было не о чем. Люди под руководством Второго собрали убитых вместе и опустили в болото, наблюдая, как исчезают тела в чёрной глубине. И после того, как последний труп, уже остывший и окоченелый, отправился к Золотому Змею, вслед за ним один

за другим ушли и живые – присоединиться к бесчисленным поколениям предков, живущих, как они верили, в мире их Бога.

Верховный, сидевший поодаль, следил, как исчезает, навсегда уходит из этого мира прежняя жизнь. Последний человек на его глазах скрылся в трясине, а Верховный продолжал сидеть, неотрывно глядя на застывшую топь. Не один час ещё он провёл там, не двигаясь с места, слушая, как капает вода, стекающая с листы, как отдельные птицы, издав короткие трели, умолкали как бы испуганно, и как в деревне, затаившейся после ночного кошмара, вынужденно проявляется жизнь. Вынужденно – потому что люди предпочли бы в этот день никак не заявлять о своём существовании, но скотина требовала ухода и отчаянно звала хозяев.

Вялый рассвет перетёк в полумёртвый белёсый день, когда Верховный всё же поднялся, разминая затёкшие от холода и неподвижности мышцы, и медленно отправился к подземной пещере. С трудом отодвинув камень, закрывающий вход, он с ещё большим трудом задвинул его обратно за собой, тщательно следя за тем, чтобы ни одна полоска света не проникла внутрь. Внизу он наощупь зажёл светильник и, захватив его с собой, прошёл в дальний угол пещеры, в которой с незапамятных времён лежал огромный валун песчаника. Поставив светильник рядом, Верховный опустил перед валуном на колени.

Рыхлый камень легко поддавался обработке, и в относительно скором времени послание будущему жрецу было готово. Верховный поднялся и отправился к центру пещеры. Там он повесил светильник на место и снова вернулся к камню. Обойдя его, он остановился у противоположной стороны валуна и надел золотые украшения, сначала на голову, затем на руки и под конец застегнул на себе тяжёлый, тускло мерцающий пояс. Несколько секунд Верховный стоял неподвижно, и взгляд его был обращён вглубь. Затем его рука потянулась к поясу и достала небольшой, но очень острый нож. С неменяющимся выражением глаз, Верховный полоснул себя сначала по одной, а затем по другой руке. Нож выпал, со звоном ударившись о пол, и отскочил в сторону. Какое-то время Верховный стоял, слегка наклонившись, положив руки на валун, и кровь его, стекающая с запястий, впитывалась вглубь камня. Она вытекала, и с ней покидала тело жизнь Верховного, заставляя его мягко опуститься на камень, как бы обнимая его. В скором времени всё было закончено. Верховный переместился в мир мёртвых.

Оставшаяся под руководством отца Фотия деревня пережила и ужас той ночи, когда Золотой Змей прогнал их прочь, и страх перед наказанием, которое, по их мнению, должно было последовать обязательно. А как мог карать Золотой Змей, они знали не понаслышке. Но всё обошлось, и люди постепенно успокоились, а жизнь вошла в прежнюю колею. Первые несколько лет создавалось впечатление, что они вообще не меняли бога – настолько привычным было всё, что они делали. За двумя только исключениями – больше не уходили люди на болото в дни равноденствия и солнцестояния, вместо этого местные жители обучились ритуалам христианских обрядов, совершаемых в новопостроенной церкви. И у них больше не было снов, в которых они видели своих мёртвых.

Пока жизнь в деревне текла своим чередом, над головами ничего не подозревающих людей начали сгущаться тучи. Точнее говоря, время их существования на земле неуклонно приближалось к концу. Первым звончком стало исчезновение нескольких тёлочек из стада, зарезанных волками в один день. Дело в том, что Золотой Змей, оберегая жизни и имущество жителей деревни, достиг того, что хищники боялись этих мест как огня, обходя их большим кругом, и подобного в деревне не случалось никогда. Но Золотой Змей был отныне безразличен к судьбе деревни, и сохранность её имущества больше не входила в круг его обязанностей. Новое поколение хищных зверей, не знающих о том ужасе, что таится в болоте, начало заселять эти прекрасные места.

Жители деревни больше не могли пасти скотину в любом месте, где им было угодно. Теперь стадо всегда находилось около домов под бдительным присмотром не менее чем двух

пастухов. Но это не спасало. Волки, смелеющие с каждым днём, стали резать скот, не боясь людей, а однажды утащили в лес ребёнка, играющего на улице.

Отец Фотий без конца пытался вселять уверенность в начавших падать духом людей, но тщетно: те считали, что нашествие хищников – закономерная кара за то, что они совершили. Тогда отец Фотий лично застрелил нескольких волков, без страха бродивших около деревни, и остальные стали осторожнее. Но количество домашней живности продолжало уменьшаться с каждым днём.

Быть может, отцу Фотию удалось бы убедить людей, что дело здесь не в гневе их прежнего бога, а в их собственной трусости и бездеятельности, но тут опять началась засуха.

После тех страшных двух лет погода год за годом была на редкость ровной и благоприятной. Умеренно морозные зимы, переходящие в своё время начинающуюся весну; лето солнечное и не скупое на дожди и тёплая урожайная осень. Всё это время жители деревни были уверены в том, что это результат заступничества их нового могущественного Бога и молились ему искренне и с усердием.

Но однажды, лет десять спустя после тех событий, наступившая весна не принесла с собой ни капли дождя. Снега давно уже сошли, и пересохшая земля отчаянно жаждала воды, но взять её было неоткуда. Не было её и летом. Растения засохли, и в деревне наступил голод. Пришедшая зима стала самой малоснежной и морозной за всё время, что могли вспомнить даже наиболее старые из живущих в деревне, и она погубила озимые. А весна не принесла дождей. Людям стало страшно. С одной стороны был Золотой Змей, который наконец ударил по ним своим мщением и, по всей видимости, решил уничтожить их. С другой – отец Фотий, говорящий от имени их нового Бога, и то увещающий их, то гневно обличающий, говоря, что это наказание свыше за их греховность и неверие. За ними – совершённое десять лет назад, лежащее тяжким грузом на их совести, хотя об этом никто не говорил. А перед ними – голодная смерть в течение ближайших месяцев. А кто не умрёт от голода, того сожрут хищники, из-за нехватки еды окончательно потерявшие страх перед людьми. Словом, они оказались окружены со всех сторон.

И именно сейчас, когда отчаяние людей достигло высшей точки, то к одному, то к другому стал являться во сне Верховный. И он подтверждал их страхи, что всё, что происходит с ними сейчас – есть справедливая кара Золотого Змея. Их Бог не забыл того, что они сделали десять лет назад, но тем не менее они всё же Его дети и если они придут к Нему, принеся в качестве искупительной жертвы всю свою скотину, Он простит их и примет к себе. Всё, что нужно им сделать – это уйти, утопиться в болоте.

С гневом и бессилием отец Фотий наблюдал за тем, как его паства готова отречься от его Бога, ради возвращения к прежнему. Силой своего авторитета он пока ещё мог заставить людей подчиняться ему, но было ясно – возвращение их в прежнюю веру всего лишь вопрос времени. А подкрепляли его уверенность в этом чудеса, которые стали происходить в деревне. Чудеса, которые, по словам людей, совершал уже десять лет как мёртвый Верховный жрец. То он, явившись кому-нибудь во сне, говорил, что в том или ином месте после заката забьёт родник и будет бить всю ночь, то сообщал, где находится отбившаяся от стада корова, то, как и когда-то, указывал, кто близок к смерти. Всё так и сбывалось, как предсказывал мёртвый Верховный. И несколько человек поддались его словам, и однажды ночью навсегда они ушли на болото. А на следующую ночь они пришли во сне ко всем жителям деревни, и лица их излучали счастье, и говорили они, что Золотой Змей принял их без гнева, и что нет для них больше ни горя, ни забот. И наступившим днём ещё пять домов обезлюдели, а обитатели их без следа исчезли из деревни.

Отец Фотий понял, что необходимо что-то делать, причём делать немедленно, иначе будет поздно. Весь день, весь вечер и часть ночи он молился, прося Бога вразумить его, ука-

зять ему, как он должен поступить, чтобы спасти деревню. Глубокой ночью, в изнеможении от молитв, голода и непрерывного напряжения всех сил, отец Фотий погрузился в сон.

И тогда к нему пришёл Верховный.

– Где же твой бог, священник? – насмешливо спросил он. – Ты теряешь своё стадо, и очень скоро оно уйдёт от тебя.

– Изыди, нечистый дух! – отец Фотий начал торопливо креститься, чувствуя одновременно и яростный гнев на это отродье дьявола, осмелившееся заговорить с ним, и липкий ползучий страх.

– Я это уже сделал много лет назад, священник, но и ты последуешь за мной. Очень скоро последуешь.

Упав на колени, отец Фотий закрыл глаза и начал молиться, призывая Бога охранить его от этого демона.

– Что же, священник, слаб твой бог оказался? – Верховный без улыбки смотрел на отца Фотия. – Ты же проповедовал, что бог твой всемогущ, и верой своей ты спасёшься. Иди же, священник, сразись с моим Богом, победи Его и ты докажешь, что твой бог сильнее. Забирай тогда деревню. Иначе Золотой Змей возьмёт её Себе. Или что, – Верховный, склонив голову на бок, рассматривал молящегося отца Фотия, – ты попытаешься сбежать и увести за собой своё стадо, но осмелишься ли ты тогда утверждать, что твой бог сильнее? Подумай об этом, священник.

Голос отца Фотия, бормочущего молитвы, начал повышаться, срываясь временами на крик. Пытаясь заглушить этого спокойного, даже участливого демона, он выкрикивал слова молитв, не сразу обратив внимание на то, что к нему больше никто не обращается. Он открыл глаза, и действительно – рядом с ним никого не было. Снова опустив веки, отец Фотий закрыл лицо руками и в этот момент понял, что лежит на полу, уткнувшись лицом в сжатые кулаки, отчего оно сильно болит, и весь этот разговор, всё, что произошло несколькими минутами ранее, было просто сном.

Пусть так – это был всего лишь сон, но слова, что отец Фотий услышал в нём, врезались ему в память. Теперь он знал, что ему делать. Он не мог сбежать отсюда, он должен отправиться к этому дьяволу и сразиться с ним и победить его, иначе... Ведь иначе жрец был прав, и что тогда?

Утром отец Фотий собрал всех без исключения жителей деревни, объявив им, что идёт сражаться с демоном, ложно называющим себя их богом и совращающим их. Он идёт победить его и доказать тем самым силу своего Бога, но если он не вернётся, люди должны навсегда покинуть это проклятое место и уйти туда, где сильна христианская вера и где подобные демоны просто не могут существовать. Взяв с них клятву выполнить его волю, отец Фотий призвал паству к молитве и сам истово молился на протяжении нескольких часов. Затем он отправился к болоту, и больше его не видели.

Несколько дней люди ждали его возвращения, а обречённость тем временем всё прочнее пускала корни в их душах. И в итоге, в один прекрасный день, полностью забыв о клятве, данной отцу Фотию, но помня то, чему он научил их, все оставшиеся в живых жители деревни опустились на колени и поползли к болоту, непрерывно кланяясь и моля Золотого Змея простить их прегрешения перед Ним и принять их без гнева. И в скором времени деревня полностью прекратила своё существование.»

Мангусты одновременно открыли глаза и сели на земле с ошарашенным видом людей, бесцеремонно вырванных из яркого и живого сна.

– Слушай, а мы точно вернулись?

– Похоже, что да.

– Вернулись... – Юля потёрла лицо руками и раз в десятый оглянулась вокруг, – но не до конца. Я, во всяком случае, точно. У меня такое ощущение, что я ещё процентов на девяносто там.

Егор почти не слушал сестру.

– Неужели всё это было на самом деле?

Перед его глазами проплывала безостановочная череда картин, свидетелем которых он был совсем недавно, а может, и столетия назад.

– Ты говоришь о тех целителях, деревне и священнике?

Егор быстро обернулся к сестре.

– Значит, не привиделось, – после долгой паузы произнёс он, – ну и ну.

Юля пожала плечами.

– Не просто же так мы туда ходили, – заметила она спокойно и вдруг застыла, вытаращив глаза и раскрыв рот.

– Ты чего, Юль? – испуганно воскликнул Егор.

Сестра не отвечала, уставившись небо. Пытаясь понять, что же могло настолько её ошеломить, Егор проследил за направлением её взгляда, и в результате окаменел сам.

– А какое сегодня число? – с трудом выталкивая слова, прохрипела Юля.

– Я не знаю, – прошептал в ответ Егор.

Вскочив на ноги с бешено заколотившимся сердцем, Юля сначала посмотрела на забинтованную руку, а потом резко крутанулась, пытаясь обнаружить собак. Алтай лежал, положив голову на лапы, и отсутствующим взглядом смотрел куда-то вдаль. Что же касается Ангары, то она лениво бродила поблизости, от нечего делать обнюхивая разные травинки. Другими словами, собаки были совершенно спокойны.

– Но что же это такое? – плюхнувшись обратно на землю, выдохнула Юля. – Как подобное может быть?

– Я не знаю. – Егор смотрел на небольшое розовое облако, медленно плывущее над дальним лесом. – Но что я знаю точно, так это то, что когда мы уходили туда, – он, не глядя, ткнул пальцем в сторону пятна, – именно это облако висело на этом самом месте, я ещё отметил, насколько оно яркое.

– Вот это да! Ведь ты говорил, что я отсутствовала не менее трёх часов, – Егор кивнул, – а я всего лишь трепалась со жрецом, а тут такое... – Юля замолчала, не в силах уразуметь подобное.

– Да, такое. Мы отсутствовали чёрт знает сколько времени, а, оказывается, прошло всего лишь несколько секунд.

Егор провёл рукой по лицу и закрыл глаза. Открыв их, он снова посмотрел на то же облако, успевшее уже немного проползти вперёд.

– К этому надо привыкнуть, – сказал он и замолчал.

Молчала и Юля.

Так, не говоря ни слова, они сидели до тех пор, пока над верхушками деревьев на горизонте не показался край солнечного диска. Тогда они, не сговариваясь, как по команде, встали и отправились домой, на несколько мгновений задержавшись только, чтобы вернуть золотые украшения их владельцу. Икс поглотил их, как поглотил днём ранее тело самого жреца.

– Давно рассвело, и Марина, безусловно, уже на ногах, – произнёс Егор, едва дом показался в пределах видимости.

– И что? – поинтересовалась Юля, мысли которой витали где-то далеко отсюда.

– А то, что она непременно заинтересуется этими своеобразными браслетами на наших руках. А ещё больше тем, что под ними находится.

– О-о, – протянула Юля, чьи мысли при этих словах начали к ней возвращаться, – это и в самом деле может стать проблемой. – Она мрачно усмехнулась. – Андрей и так считает, что

я на тебя тлетворное воздействие оказываю, а здесь вообще может решить, что я подбила тебя на коллективное самоубийство, да по неопытности не получилось. Ты в курсе? – Юля бросила взгляд на брата, – Марина спрашивала меня, не принимаю ли я наркотики. Явно не со своей подачи.

Егор присвистнул.

– Да, ничего себе, может выйти не очень хорошо. Нам и так забот хватает, лишние скандалы дома ни к чему. Надо что-то придумать.

– То-то и оно, только что? На случайные порезы не спишешь. Во-первых, не похоже, а во-вторых, мало кто берёт с собой бинты на прогулку. Их, конечно, можно было снять, – с сомнением поглядев на забинтованное запястье, сказала Юля, – но не хотелось бы пока.

Егор в задумчивости смотрел на деревья, растущие около дома, пытаясь придумать объяснение, и через несколько секунд весело воскликнул.

– Я, кажется, знаю. Дурацкая идея, но они проглотят. Они от нас чего-то подобного и ждут.

– Ну? – нетерпеливо спросила сестра.

– Что-то вроде побрататься хотели.

– Но мы и так родные брат и сестра, по крови, зачем нам ещё и руки резать?

– Значит, страшную клятву давали и кровью скрепили, приключенческих романов читавшись.

Юля зло рассмеялась.

– А что, ты прав ведь, без сомнения, прокатит! Подумать только, как же легко навешать лапшу на уши людям, если говоришь им то, что они хотят слышать. Ладно, с этим покончили, теперь другой вопрос – ты спать хочешь?

– Даже если бы с ног валился, пока ты не расскажешь мне всё, что тебе жрец говорил, всё равно не лягу.

– И отлично, значит, зайдём на кухню, возьмём что-нибудь поесть и поднимемся ко мне или к тебе, а там поговорим.

Марина, как и предвидел Егор, уже давно встала и в полном соответствии с его словами сразу же обратила внимание на забинтованные руки. И, как и рассчитывали Мангусты, поохала, покачала головой, повозмущалась их детским безрассудством, поверив им безоговорочно и сразу.

– Любопытно, – заговорила Юля, когда они уже сидели в комнате Егора, не то завтракая, не то ужиная, – а скажи мы ей правду, какая бы была реакция?

– Ну, тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предсказать это, – равнодушно пожал плечами Егор.

– Это да, а вот если бы она поверила, а?

– Да, – согласился Егор, – это было бы и в самом деле интересно. Но об этом хватит, давай, рассказывай, безумно любопытно, о чём это можно было говорить на протяжении трёх часов.

Юля, улыбаясь до этого, закусила губу, а затем заговорила:

– Ну, во-первых, я хочу сказать, что всё это совсем невесело, а временами довольно мрачно, а во-вторых, небольшое лирическое отступление. Знаешь, Егор, такое ощущение, что у меня почву из-под ног выдернули. Точнее, она просто исчезла. Была – и нет её. Одно дело – предполагать, что существуют разные миры, помимо того, в котором мы обитаем, а столкнуться с этим непосредственно, лоб в лоб – совсем другое. Даже жрец во сне – это было не то.

– А почему? – поинтересовался Егор. – В принципе, я тебя понимаю. После того, что было этой ночью, у меня тоже ощущение, что я или не полностью оттуда вернулся или не совсем сюда. Но почему жрец во сне – это другое?

– Насчёт ощущений я с тобой полностью согласна. Реальность стала, как бы так выразиться, менее реальной, что ли.

Егор, соглашаясь, кивнул.

– А по поводу жреца... – Юля скорчила странную гримасу и пожала плечами, – понимаешь, мало ли, что я видела в своём сне, это ничего не значит.

– Но находка, пещера, камни, твой ужас, в конце концов, в точном соответствии с надписью! – воскликнул Егор.

Юля покачала головой.

– Это ничего не значит. Всё это может относиться только к нашему миру. Ведь если считать, что человек – это не абсолютно замкнутая, отдельная от всего система, а нечто совсем иное, что может обмениваться информацией с окружающей средой, пусть и в ничтожно малой мере осознавая это... – Юля резко прервала себя, – я тебе рассказывала, как обнаружила всё же «Психологию и алхимию»?

– Нет, но зато я помню, сколько ты меня гоняла по книжным в поисках её!

– Вот-вот, а её всё не было, в то время как она мне позарез была нужна. Недаром именно этот поиск стал последней каплей, и мы всё же обзавелись компьютером и интернетом. Ну да не в этом дело. Я к тому же на своей шкуре, так сказать, хотела проверить проявление архетипов. Неужели не рассказывала?

– Нет, но это и неудивительно, учитывая, в каком состоянии мы тогда находились. – Брат хмыкнул, – тут розового слона, танцующего в лунном свете, увидишь и забудешь рассказать.

– Твоя правда, Егор, – вздохнула Юля, – ну ладно, тогда слушай. Дня через три после того, как мне приснился крайне любопытный и необычный даже для меня сон, я захожу в книжный, иду, как обычно, к полке с психологией и, как обычно, ничего не нахожу. И тут я выключаюсь. – Юля помолчала немного. – Просто не знаю, как это по-другому назвать. Я разворачиваюсь и иду вперёд, практически не осознавая, что я делаю и ничего не вижу, только темнота вокруг. Похоже, какая-то часть меня взяла в свои руки бразды правления, оттеснив сознание в сторону. Для меня как свет выключили, да и меня, считай, почти не было. Так вот, я иду, останавливаюсь, поворачиваюсь и начинаю на что-то смотреть. Сознание почти отсутствует. Плавно, но быстро на фоне черноты и совершенно размытой картинке начинает проявляться посередине светлое пятно, буквально на глазах обретающее резкость. Я могу разглядеть название, и тут я понимаю, на что я смотрю – «Психология и алхимия». Сознание мгновенно включилось, как включают свет, кстати, именно свет для меня тоже зажётся, до этого всё было чёрным, я дико заорала, перепугав парня, стоящего рядом, и вцепилась в книгу. Вытащив её, я тут же ушла оттуда, даже не посмотрев, где я, собственно, её взяла.

Юля сделала небольшую паузу и задумчиво продолжила:

– Парня можно понять, не так часто люди вопят и вцепляются в книги, стоящие на стенде под названием «Философия». – Егор захохотал. – Я потом специально сходила посмотреть. И кстати, это была единственная рыжая книга из сонма чёрных, окружавших её. И, смотри, я там либо никогда не бывала, либо заходила очень давно. Считать, что за всё это время, а если я и проходила там, то не менее года назад, книги ни разу не перемещались – просто нелепо. Тем не менее это нечто во мне, что и привело меня туда, прекрасно знало, где она находится. С таким же успехом я бы могла увидеть это во сне, тем более что моё состояние тогда мало чем отличалось от сна. И да, когда я той же ночью читала книгу, на одной из первых же иллюстраций увидела практически точную копию одного из эпизодов моего сна. Но мир Икса – это совсем другое дело. Он есть, он иной и он реален. Реален не меньше, чем этот. Тяжело это сразу принять.

– Я понимаю тебя, – тихо откликнулся Егор, – это и в самом деле очень сложно принять. Всё перевернулось с ног на голову.

– Да. Ну хорошо, с лирической частью покончено, а теперь к делу. Я сейчас опишу то, как я это видела. Я помню, как стояла ночью у этого зыбучего пятна – и уже нахожусь в другом мире. Станный мир, очень странный. Вроде бы чёткий, а на грани восприятия как будто всё плывёт. В принципе, он очень похож на то место, где я находилась перед этим. Если бы не освещение, серое, похожее на рассветное, и очень странное впечатление от всего и не то, что я недвусмысленно знала, что нахожусь в другой реальности, можно было бы решить, что я никуда не перемещалась. У тебя также было?

– Ну да, то же самое.

– Кстати, ещё по поводу договора с Иксом...

Егор вздрогнул и посмотрел на Юлю с таким выражением на лице, что она осеклась.

– Какого договора?

– Ну как же, того, о котором я говорила: по поводу собак и всего остального, – пояснила Юля и, увидев, что брат расслабился, мрачно ухмыльнулась.

– А, этого, – с облегчением сказал Егор, не заметивший странного выражения лица сестры.

– Рано радуешься. Ты вообще знаешь, для чего он заключался?

Нахмурившись, Егор покачал головой.

– Ну как же! – нетерпеливо воскликнула Юля, – для свободного прохода в тот мир.

– А-а, – протянул Егор, – это я знаю.

Юля кивнула.

– А свободный проход в тот мир нужен для того, чтобы была возможность нормально общаться с Иксом. Ему, в принципе, без разницы, где находится человек, а вот человеку это очень важно. В этом мире отсутствуют ясность и чистота восприятия, необходимые для того, чтобы слышать его. Во всяком случае, для таких ни черта не знающих и не умеющих пеньков, как мы. Но беда не в этом. Получили возможность проходить в мир Икса – это здорово, но загвоздка в том, что мы оказались пойманы в ловушку.

– Что это значит? – напряжённо спросил брат.

– Да, в общем-то, ничего, если не считать того, что попали мы с тобой, мелкий, до конца жизни, да и после смерти оно ничуть не радужнее. – Юля с кривой ухмылкой развела руки в стороны. – Так-то, уйти можно только на тот свет и никуда больше. А тот свет для нас – либо Икс, либо то, о чём говорил Верховный Второму. Кстати, он особо задержался на этом вопросе. Верховный сказал, как только тело полностью умирает, связь с Иксом разрывается, и если это был рядовой житель деревни, то он умирал как обычный человек. Совсем другое дело жрецы – их связь с Иксом при жизни слишком сильна, и поэтому они не могут умереть полностью. Я спросила Верховного, но, сдаётся мне, что он и сам точно не знал, почему мёртвые жрецы теряют разум. Всё, что он мог сказать, так это что жрец уже не совсем человек и наполовину принадлежит Золотому Змею. Оказывается, Икс их видит, но не может забрать, пока нет хотя бы части тела. Видимо, жрецы слишком сильно зависят от силы Икса и при разрыве связи просто не могут сохранять ясное сознание после смерти, элементарно не хватает энергии.

– А в случае уничтожения Икса, что тогда?

– А этого, как ты сам понимаешь, никто не знает. Если нам повезёт, узнаем это на своей шкуре.

Егор вполголоса пробормотал: «До чего ж интересно будет умирать, кто бы мог подумать».

– Да уж, – отозвалась Юля, – очень интересно. Но, как говорится, вернёмся к нашим баранам, а именно – к нюансам связи с Иксом. Для свободного перемещения между двумя мирами действительно необходимы две вещи – кровь и намерение. Кровь даёт прочность и открывает проход, а намерение – направление и ясность. Смотри, те, кто связан с Иксом только через

кровь, имеют прочную связь, но без направления. Не желая входить с ним в контакт, по большей части и не подозревая о его существовании, они тем не менее в каком-то смысле постоянно находятся в его мире, в то время как их намерение и сознание отчаянно протестуют. Отсюда кошмары, потеря сознания и тягостное настроение. А Икс, рано или поздно, всех, кто связан с ним через кровь, затягивает к себе. Именно за счёт прочности, которую даёт кровь. А в связи через намерение нет никакой прочности, хотя и присутствует направление. В принципе, возможна даже обоюдная связь, но только в этом мире. Всё же для входа в тот мир кровь необходима. Между прочим, даже когда человек ещё здоров физически, и Икс пока не в состоянии заставить прийти его к себе, сознание втянуть он может, даже неумышленно. Это его, как ты понимаешь, Стас описывал как что-то тёмное, жуткое, находящееся рядом, то, что рано или поздно до него доберётся. Просто у связанных только через кровь очень смутное, искажённое восприятие. Так сказать, они могут туда входить, но не хотят, а связанные только через намерение хотят, но не могут. – Юля хмыкнула. – Да, а итог у всех один – конец жизни в болоте у Икса. Ну ладно, это по поводу входа. А теперь, что было после того, как я там оказалась. Так вот, оказываюсь я там и никого не вижу. Я заявляю, что пришла выслушать жреца, как и обещала. Тут он и появляется. Сразу объявляет, что как только расскажет мне обо всём, он свободен и общаться со мной более не намерен, кроме тех случаев, когда это необходимо для дела, и тогда либо я к нему могу обратиться, либо он сам проявится. Затем объявил, что я могу свободно проходить в этот мир и уходить обратно. Сообщив это, приступил к рассказу.

Юля замолчала, определяясь, с чего начать.

– Ладно, – решила она, – всё рассказывать нет необходимости. Дело в том, что он за эти три часа попытался впихнуть в меня всё то, чему преемники учатся лет пятнадцать-двадцать. Мало что из этого нам нужно сейчас.

Егор прервал её:

– Откуда ты знаешь, что может пригодиться, а что нет?

Юля уставилась на брата и смотрела на него очень долго, явно не собираясь отводить глаза. Егор не выдержал:

– Ну чего ты смотришь на меня как солдат на вошь! Дыру просмотришь насквозь.

– Не вопрос, – заговорила Юля, – я могу тебе во всех подробностях рассказать (а я помню это прекрасно), как совершаются ритуалы жертвоприношения в дни солнцестояний, в дни равноденствий – между ними есть различия. И пусть итог у всех один – человек отправляется в трясину, это четыре отличных друг от друга ритуала. Или какими ритуалами был обставлен уход смертельно больных, сколько, кого и каким образом жертвовалось ему в случае нападения на деревню или при неблагоприятных погодных условиях. Или, – по лицу её пробежала судорога, – как отправляли к Иксу захваченных врагов. Я могу это всё рассказать, но оно тебе надо будет?

Егор, напряжённо слушавший сестру, отвёл глаза.

– Нет, – тихо ответил он, – когда-нибудь я попрошу тебя рассказать об этом, но не сейчас. Но жрец, Верховный! Зачем он говорил тебе об этом? К чему это сейчас? Все эти кровавые жертвы, управление деревней, которое было актуально пятьсот лет назад.

Юля сжала зубы, а лицо её стало очень мрачным.

– Понимаешь, – заговорила она медленно, – Верховный все эти сотни лет был как бы в анабиозе. Откуда бы ему знать о том, что произошло в мире? Всё, что он знает – это то, что Икс здесь и силен, как никогда, а в окрестностях располагается деревня. Для него ничего особо не изменилось. Ты ведь помнишь, что Верховный говорил Второму – он не может уйти, пока не найдёт для Икса жреца.

Егор кивнул.

– Ну вот, это он и сделал. Он нашёл меня или, быть может, я нашла его, это неважно. Он обучал нового жреца и передавал всё, что знал сам, что нужно для управления деревней.

Да, пока он разговаривал со мной там, то намертво вбил в меня одну вещь: нарушать правила и традиции можно только в одном случае – ради Золотого Змея, в случае крайней необходимости. Здесь необходимости не было, вот он и не нарушал.

– Понятно.

– Жрецы, они ведь управляли всей деревней, каждым её действием и каждой мыслью. Они принимали все решения, через них была связь с удалёнными жителями деревни, они объявляли, кто должен остаться в ней, а кто уходить на заработки. Они решали споры, они выбирали, кого необходимо принести в жертву, через них люди обращались к своему богу. Обо всём этом мне рассказывал Верховный.

Юля поднялась с кресла, и, подойдя к окну, стала смотреть на дальний лес, чёрной змеёй изогнувшийся на горизонте. Не оборачиваясь, она продолжила рассказ:

– То, что мы видели, не отражает в полной мере картину того, что на самом деле было у жрецов. Икс же вообще не вмешивался во взаимоотношения между людьми, разве что по просьбе жрецов, и только в случае крайней необходимости самостоятельно. Могло сложиться впечатление, что с Иксом общался только Верховный, но это не так. Функции Верховного и Второго были чётко разграничены. Все глобальные решения, те, что касались всей деревни, были на совести Верховного. Частными вопросами связи людей с Иксом занимался Второй. Через много лет после инициации Второго, Верховный начинал его постепенно втягивать в решение глобальных вопросов. Так что к тому моменту, когда Верховный в силу возраста и здоровья должен был покинуть этот мир и присоединиться к Иксу, Второй уже знал всё, что было необходимо. Также Верховный много говорил о необходимости тщательного выбора преемника, об обучении его, о жёстком требовании держать ребёнка в строгой изоляции от, так сказать, мирян. На каких ритуалах он должен был присутствовать, а на каких нет, когда начинать вовлекать его во все таинства и так далее.

Хмыкнув, Юля обернулась к брату.

– Даже такой вопрос он не обошёл молчанием. Ведь жрецами могли стать люди обоего пола, а жили они все вместе. И если, что, правда, бывало очень редко, между двумя жрецами возникала слишком тесная привязанность... Впрочем, – Юля пожала плечами, – это же касалось и однополых. Так вот – это было предметом разбирательств Икса. В его юрисдикции, так сказать, находилось. Никто не знал, что он делал, но проблема решалась.

Егор встал с кресла и прошёлся по комнате. Подойдя к окну, он встал рядом с сестрой и несколько секунд смотрел на улицу, затем повернулся к ней и спросил:

– А Верховный сказал что-нибудь такое, что могло бы нам пригодиться?

С усмешкой глядя на брата, Юля ответила:

– Ты же сам сказал, откуда мне знать, что может нам пригодиться, а что нет. И ты прав, я действительно не знаю. Время покажет, что может стать нам полезным.

– Неужели ты ничего не можешь сказать сейчас?

Юля ответила после долгого молчания:

– Нет, Егор, совсем ничего. Единственное, что я могу сказать – это то, что мне это всё не нравится. Какая-то абсолютно отвратительная ситуация. – Она поморщилась и затрясла головой. – Нет, даже не так, я просто не могу подобрать подходящие слова. Егор, ты только вдумайся, на что пошёл этот человек, Верховный. Из любви к своему богу и чувства долга он отказался от себя, принёс себя в жертву. Ты же знаешь, ты видел это. Он ведь мог так и не дожидаться никого, его тело могло быть уничтожено, сожжено, например, и он навсегда остался бы между двух миров, впавший в безумие. – Юля снова замолчала на какое-то время, мрачно глядя перед собой, а затем с усилием заговорила снова, – и знаешь, что меня больше всего угнетает – он указал нам путь к Золотому Змею, считая нас продолжателями своего дела, Икс нас принял у себя. А ведь, кто знает, возможно, он впустил и принял собственную смерть.

А привёл её человек, который пожертвовал всем, ради того, чтобы его бог жил! Ведь это же откровенное предательство того, кто доверился нам, это же мерзко.

Егор очень болезненно воспринял слова сестры. Сказанное Юлей было для него подобно ударам по незатянувшейся ране. Он сидел, чувствуя, как гулко бухает сердце и кровь прилила к лицу.

Юля безнадежно махнула рукой.

– А, ладно, что сейчас об этом думать, ни к чему хорошему не приведет, это точно.

Она застыла, угрюмо глядя вниз.

– Юль, – тихо обратился к сестре Егор, – ты же знаешь, что всё это мне нравится не больше, чем тебе, и я полностью согласен с тем, что это отвратительно, но ты ошибаешься – предательством это всё же считать нельзя. Верховный поставил тебя перед фактом, не спрашивая твоего мнения, а Икс... Не думаю, что он питает какие-либо иллюзии на наш счёт и раз принял нас, значит, у него есть на это свои причины.

Юля резко подняла голову и посмотрела на брата.

– Да? – со злой усмешкой спросила она. – Ещё вчера ты говорил иначе. Не ты ли заставил меня слушать страстную речь о допустимости или недопустимости подобного? – Она стихла и опустилась на пол, прижавшись спиной к стене. – Впрочем, это неважно. Я могу убеждать себя в чём угодно, но это ничего не меняет. Ты это знаешь не хуже меня. Так что, Егор, для самоуспокоения можно придумать всё, что угодно, и даже поверить в это, но ты всё равно будешь знать, что это не так, себя не обманешь. – Она мрачно покачала головой. – Раз уж зашла речь о предательстве и недопустимости – ты просто вдумайся, Егор, за какие-то два месяца отколовшаяся часть деревни превратилась в такое, о чём и думать не хочется. Там же были их родные, их друзья, когда-то они ведь точно были друзьями, и вот они хладнокровно, без тени сомнения идут их убивать, совершенно беззащитных. Ведь это священник фанатик, к тому же те для него были чужими, да ещё и дьяволопоклонниками, то есть безусловными врагами. А эти должны были прекрасно понимать, что и с кем делают. И тем не менее они вообще не колебались. Как такое возможно? Даже потом их не столько волновало то, что они сделали, сколько ожидаемое возмездие со стороны Икса. Это страшно.

– Я боюсь, Юль, – тихо ответил Егор, – что на самом деле всё ещё страшнее. Это же были обычные люди, не выродки какие-нибудь, заботились друг о друге. И то, что они за такой короткий срок превратились в нелюдей... – он замолчал, не став заканчивать фразу, и это сделала за него сестра:

– ...означает, что это может произойти с кем угодно, где угодно и когда угодно.

Егор кивнул и отвернулся, и взгляд его упал на муху, которая, отчаянно жужжа, изо всех сил старалась выбраться из липкой сети, но своим трепыханием добилась только того, что привлекла внимание паука. С минуту продолжалась неравная борьба, а затем всё было кончено. Завёрнутый в кокон, растворяемый ядом трупик остался висеть на паутине, паук же уполз обратно и скрылся в углу. Егор вздрогнул, и взгляд его на мгновение стал отсутствующим, а затем он торопливо заговорил:

– Юль, те, кто уходили к Иксу, жители деревни, я имею в виду, получается, они действительно обретали в нём вечную жизнь, ведь так, да?

С любопытством посмотрев на него, Юля ответила:

– Если учесть, что Верховный жив, то да, несомненно. А что?

– Тогда те, кто отреклись от Икса, а потом просили, чтобы он принял их – он сделал это?

Юля задумалась. Через несколько секунд она ответила, пожав плечами:

– Сложно сказать, спросим у него, если сможем.

Егор кивнул.

– Хорошо, узнаем, но есть ещё другая проблема – этот священник, отец Фотий.

– А с ним-то что? Он же не из деревни, да и уже лет пятьсот, если не больше, как мёртв, тебе что до него?

– С ним что, да? Поправь меня, если я ошибаюсь, но, насколько я понял, получал вечную жизнь тот, кто к Иксу уходил добровольно, любой, ведь так? Главное, чтобы был живым в момент погружения в болото и думал об Иксе, представлял себе свою будущую жизнь.

– Похоже, что так.

– Те люди уходили к нему, рассчитывая на рай, и получали его, – Егор пристально смотрел на сестру, ожидая реакции.

Юля кивнула.

– Хорошо, – продолжил Егор, – больше того, сам Икс мог сделать для них ещё более райский рай.

Юля слабо улыбнулась и снова кивнула, подтверждая. Егор же не улыбался.

– Получается, они оказывались там, куда хотели попасть... – он осёкся, увидев, как побледнела сестра. Она поняла, о чём говорил Егор.

– А священник хотел попасть в ад, к дьяволу, – прошептала она.

– Вот именно, и ушёл он пятьсот или шестьсот лет назад. И если он всё это время живёт... – Егор покачал головой.

– О, чёрт, – выдохнула Юля, – а ведь Верховный говорил, что не позволит умереть ему просто, а вынудит прийти к Иксу добровольно.

– Полтысячи лет. И, возможно, всё это время в аду. – Наклонившись вперёд, Егор с силой потёр виски. – Я не могу понять, как они живут столетие за столетием и не замечают этого.

– Верховный много рассказывал о жизни после смерти. Знать об этом входит в обязанности любого жреца. Сам он явно считал жизнь там столь же реальной, что и здесь. Насколько я могу понять, те, кто ушли к Иксу продолжают существовать в своего рода снах. Они прекрасно помнят прошлое, но будущего для них нет. Вспомни, даже Верховный, несмотря на то, что он был связан с Иксом, считал, что его бог до сих пор живёт в болоте. Все они живут во сне, каждый в своём, и проживают в нём вечно ту жизнь, о которой мечтали.

– Так вот оно, оказывается, как в раю происходит, – пробормотал Егор, – а я-то всё голову ломал, как люди смогут там разобраться со всеми, кого любили и кого ненавидели в жизни.

– Ну да, как-то так. Но ты абсолютно прав, Егор, – со священником другая история. Жители деревни шли в рай, просто последняя группа боялась, что их не примут после их отступничества. А священник шёл в ад и вполне мог найти его для себя на все эти сотни лет. Человеческая фантазия богата на мучения и издевательства, в том числе и над собой. Необходимо будет выяснить, что с ним случилось.

– Завтра. Обязательно выясним, – пообещал Егор и душераздирающе зевнул – на него внезапно нахлынула неудержимая сонливость. – Выспимся, и со свежими силами вперёд.

Юля посмотрела на брата, который уже просто спал на ходу, и почувствовала, как-то сразу и очень сильно, насколько она сама вымоталась и хочет спать.

– Ты прав, мелкий. Сначала сон, а потом всё остальное.

«Я спускаюсь по лестнице в подъезде нашего дома в Центре. Ощущаю страшное напряжение и нервозность, картинка плывёт перед глазами. Я открываю дверь и выхожу на улицу. Внезапно понимаю – я во сне. Картинка мгновенно обретает чёткость. Я иду через двор, сворачиваю в арку, поражаясь реальности происходящего. Пытаюсь сообразить, что можно сделать, пока есть время. Начинаю внимательно всё рассматривать. Это Центр, то место, где я жила столько лет, он абсолютно настоящий, реальный. Единственное отличие – это отсутствие каких-либо звуков, кроме звука моих шагов. Я прохожу мимо сада, обнесённого невысокой железной оградой, и иду в сторону Меншиковой башни. У ограды стоит грузовик, а к нему с двух сторон бегут мужчина и женщина. Я прохожу мимо, рассматривая по дороге всё, что можно, включая собственные руки. Картинка не меняется, оставаясь предельно чёткой. Неко-

торое время спустя в голову приходит мысль рассмотреть пристально стену какого-нибудь дома – такой же чёткой и реальной она будет вплотную или нет, а то что-то у меня в этом есть сомнения. Я направляюсь к стене и, похоже, я не ошиблась – насколько можно понять, вблизи не видно чёткой прорисовки деталей. Чтобы убедиться в этом окончательно, я подхожу ближе и наклоняюсь вплотную. Внезапно дом исчезает, закрываясь серой колышущейся стеной, похожей на туман или, скорее, на непроницаемую поверхность воды, поставленную вертикально. Стена тумана располагается на несколько сантиметров ближе ко мне, чем был дом. Я стою, согнувшись, и размышляю – как быть? То ли в этом сне нельзя пристально разглядывать объекты, то ли что ещё. И я решаю подождать ещё немного и, если стена не исчезнет, посмотреть на парочку других объектов, включая руки, – закроет ли и их туман. Э, нет, руки не надо! Если их закроет, будет неудобно. В тот момент, когда я уже собираюсь отвернуться от тумана в поисках других объектов, он исчезает, и я вижу перед собой стену, сделанную из плотно подогнанных, без единой щели, досок неравной ширины. Доски неизвестного мне вида дерева, изумительной красоты – покрытые разводами цвета мёда от светлого до тёмного и с тонкими чёрными, очень чёткими годовыми кольцами, точнее, продольными полосами. Я, заворожённая, вглядываюсь в эти доски. Они настоящие, без шуток! Я отдаляюсь, приближаюсь, утыкаюсь вплотную – они не меняются. Я вижу структуру дерева, каждое волокно, сучки и обтекающие их годовые кольца. Я провожу по доскам рукой, чувствуя их шероховатость и прохладу. Если это не настоящие доски, то что же?! Несколько минут спустя я с трудом отрываюсь от них и иду дальше, но внимания уже не хватает. Последнее, что я могу сделать, перед тем, как провалиться в черноту без сновидений – это, идя по какому-то ангару и увидев висящее на стене зеркало, посмотреть в него. Увижу ли я себя в нём и если да, то какую? Вижу, и вроде бы себя, хотя не уверена. Я разворачиваюсь, чтобы пойти обратно...»

– Нет, Егор, стена была настоящей, – горячо говорила Юля, поймав брата на следующее утро, – собственно, весь сон был реальным. Это какая-то местность, из которой просто не получится прийти, например, сюда влёткую. Реально было всё, но стена – это нечто!

– А с чего ты так завелась? – удивлённо поинтересовался Егор. – Ты и со жрецом общалась, и в мире Икса была, да и сама говорила, что доводилось ранее понимать, что спишь что же вызвало столь бурные эмоции сейчас?

– Понимаешь, в случае со жрецом это был его сон, не мой. Икс – вообще отдельный номер. Там в принципе другая реальность, куда мы можем теперь приходиться. А это совсем другое дело – это был мой сон. Я сама себя осознавала во сне, и всё, что там находилось, было не менее реально, чем здесь, – и Юля выразительно похлопала рукой по полу, на который плюхнулась, едва войдя к брату. – И между прочим, оказывается, есть разница между «осознать себя во сне» и «понимать, что ты спишь» – в первом случае ты находишься целиком внутри сна, а во втором по большей части смотришь на сон со стороны. – Юля потрясла головой и вскочила на ноги, не в силах усидеть на месте. Она несколько раз прошлась по комнате и остановилась перед братом. – Кстати, зная о феномене осознанных снов, как можно пребывать в убеждении, что сон – это порождение собственной фантазии, просто обработка дневных впечатлений?

Она обвиняюще смотрела на Егора.

– Ты меня об этом спрашиваешь? – поинтересовался брат, подняв бровь.

Юля вздохнула и снова резко села на пол, испугав Егора, решившего, что у сестры просто подкосились ноги.

– Да нет, – ответила она, – я просто удивляюсь. Да, я лицом к лицу столкнулась с этими «порождениями собственной фантазии» и могу заверить, что я ни в зуб ногой, почему видела то, что видела. – Юля помолчала секунду и снова возбуждённо выпалила, – да от этих мыслей вообще можно с ума сойти! Я нахожусь внутри собственного сна! Кто это я и внутри чего я находилась? Я как бесчувственное тело лежу в кровати, и я же как сознание, но при этом,

опять же, в собственном теле, хожу по улице и рассматриваю то, что вижу, да ещё и прикасаюсь. А это всё в моём сне! А где тогда мой сон? И где я? – она развела руками. – Просто крыша едет.

Егор усмехнулся.

– Да уж, хорошие вопросы. Кстати, хотя бы на один ты могла бы получить ответ, – заметил он наполовину в шутку, наполовину серьёзно, – спросить у тех людей, где ты находишься. Это было бы интересно.

Мрачно посмотрев на брата, Юля ответила:

– Знаешь, мелкий, я уже основательно побила себя ушами по щекам за то, что не сделала этого. Я ещё, между прочим, могла бы много чего сделать. Попытаться руку себе оцарапать, например, взлететь, вернуться назад и попробовать войти в квартиру. Много чего можно было бы сделать, правда, не знаю как, уж очень всё реально было. Но попытаться можно было бы, всё лучше, чем носиться как курица с отрезанной головой, пытаюсь всё разглядеть, – завершила она и уставилась в окно. Егор посмотрел туда же и, ничего интересного не обнаружив, пожал плечами.

– С отрезанной головой? – усомнился он. – Это вряд ли.

Юля неодобрительно покосилась на него.

– Ты понял, что я имею в виду. И вот ещё, забыла сказать, как только я поняла, что нахожусь во сне, на меня навалилась страшная тяжесть и усталость, я ещё подумала, что люди именно поэтому так редко осознают себя во сне – очень энергозатратно. Я даже когда встала после целой ночи сна, шаталась как пьяная.

– Да-да, – отметил Егор, – я это увидел. Ты и ко мне вошла по синусоиде, не вписавшись в проём.

Юля невесело пошутила:

– Очередной повод для остальной части нашего семейства считать, что я наркоманка.

– Это точно, – рассеяно сказал Егор, явно уже думающий о другом. – Слушай, – тревожно произнёс он, – мне тут такая мысль покоя не даёт. Причём совсем. А что если Икс и в самом деле бог?

Бросив на него взгляд, Юля перевела глаза на руки, надолго замолчав. Затем с тяжёлым вздохом заговорила:

– Всё зависит от того, что ты понимаешь под этим словом. Для меня, например, бог – это творец. Только тот, кто может творить, создавать что-то из ничего, может называться богом, хотя и не факт, что демиург и будет являться Верховным Богом. Но, с другой стороны, Икс соответствует всем требованиям, предъявляемым языческим богам. Так что, выходит, он бог.

Егор судорожно вздохнул.

– Помнится, кто-то из нас уже задавал этот вопрос, но я его повторю – во что мы вляпались?

– Вопрос риторический? – уточнила Юля.

– Да.

– Хорошо.

Юля закусила сустав пальца и внимательно посмотрела на Егора, потом перевела взгляд на раскрытое окно за его спиной, затапливающее комнату потоками горячего воздуха, и снова стала смотреть на брата.

– Знаешь, Егор, возможно, боги гораздо более распространены, чем это принято думать.

– Ты о чём? – нервно спросил брат. Ему очень хотелось покрутить пальцем у виска, но делать он этого не стал, вспомнив об Иксе.

– Помнишь, – начала несколько издалека Юля, – мы как-то были с тобой осенью на водохранилище?

– Ещё бы, – кивнул Егор, – такая красота, забыть невозможно.

– Отлично, тогда ты должен помнить ту птичью стаю.

Егор прекрасно помнил, о чём говорила сестра – огромная стая птиц, большая часть которых – птенцы этого года, готовилась к отлёту на юг. Эта стая, количество птиц в которой достигало многих сотен, а то и тысяч, действовала как единый организм, растягиваясь, сжимаясь, закручиваясь спиралью, поднимаясь и опускаясь в абсолютной гармонии.

Егор медленно кивнул.

– Прекрасно. Предположение, что подобное взаимодействие – результат обучения, не выдерживает никакой критики. При любом обучении у обучаемых были бы ошибки, сбои, которых здесь не было абсолютно. Это был действительно единый организм. Да и времени на обучение у них не было. Ага, – фыркнула Юля, – как мне однажды довелось услышать в одной из этих дурацких передач – всё дело в сознательном взаимодействии и договорённости птиц между собой. Ну да, несколько тысяч птиц, договаривающихся между собой в мгновение ока! Бред. А ведь даже в этой передаче отмечали, что, если так можно выразиться, интеллект подобной стаи значительно превосходит таковой отдельных особей. А ты знаешь, что птицы только в стае знают куда лететь? Одиночная птица никогда не найдёт дорогу на юг и обратно. Только в стае. То же касается и стай рыб, действующих настолько синхронно, что их в полной мере можно считать единым организмом. И поведение такой стаи меняется в зависимости от количества особей в ней. Муравьи, до определённого количества хаотично бегущие, не зная, что им делать. При достижении определённой массы они начинают строить муравейник, не ранее. Если в процессе постройки поставить непрозрачную пластину, убрав её по окончании, станет видно, что все ходы идеально совпадают. Действия всех этих бесчисленных муравьёв, обладающих, заметь, собственным сознанием, управляются единым разумом. И в дальнейшем та же картина. Количество муравьёв возрастает, и появляются новые возможности. Скачком. Определённая масса – дополнительная возможность. Чем больше муравейник, тем сложнее социальная структура муравьёв, тем на большее они способны.

Юля неожиданно рассмеялась, но как-то невесело.

– Вспомнилось мне сейчас, – заговорила она, отвечая на невысказанный вопрос Егора, – одно потрясающее доказательство того, что разум и развитие от простого к сложному есть результат эволюции, а не воздействие свыше. Группа учёных создала миниатюрных примитивных роботов по аналогии с муравьями, вложив в них определённую программу. Они рассчитывали, что эти роботы, созданные действовать вместе, рано или поздно начнут самостоятельно обучаться, проявлять усложнение поведения, то есть обретут сознание. – Юля снова засмеялась, только на этот раз уже зло. – Они, эти учёные, в упор не видят потрясающую иронию ситуации – выступая в роли создателей, богов, по сути, для этих роботов, они рассчитывают доказать тем самым отсутствие богов для создания самих себя. Просто поразительно: одни пытаются доказать отсутствие богов, становясь сами создателями, пусть и на значительно низшем уровне, а другие, те, что с птицами и муравьями, утверждают, что сложение нулей даст в итоге единицу.

Егор поморщился.

– Выражайся, пожалуйста, повнятней: какие нули и причём здесь единица?

– А-а, да это всё из той же передачи: якобы, если взять определённое количество средних особей, причём заметь – муравьям отказывают в индивидуальном сознании в принципе, и просто сложить их, то вместе они образуют какой-то совокупный и высший интеллект, просто так. Очевидно, по весу мозгов – сложить, допустим, тысячу мозгов по сто грамм и получишь один супермозг весом в центнер.

– Что за бред, ты, похоже, заговариваешься.

– Не я, – сестра, улыбаясь, покачала головой, – об этом говорили прямым текстом. Если взять чёрт знает сколько безмозглых муравьёв и сложить их вместе, то в итоге весь муравейник сознанием обладать будет.

Егор в задумчивости почесал нос.

– Интересно, а откуда они его возьмут? Взаймы, что ли, у кого-нибудь?

Юля расхохоталась.

– Ага, у этих учёных!

– Нет, знаешь, Юль, не стоит, – серьёзно ответил брат.

Юля перестала смеяться и сказала:

– А ведь это касается не только муравьёв или птиц – у людей то же самое. Знаешь, я специально интересовалась. Может быть, есть и другие данные, но я их не нашла. Так вот, настоящие боги – не демоны, идолы, одушевлённые предметы и так далее – именно боги появляются только у крупных народов. Никогда у мелких племён, разве что деградировавших. Строго говоря, прослеживается закономерность – чем многочисленнее, сплочённее народ, тем весомее и мощнее его боги. И, кстати, обратная сторона: хочешь сделать бога этого народа слабым – раздели этот народ. – Юля пожала плечами, – что и произошло с Иксом и деревней.

– То есть ты хочешь сказать, что боги появляются при возрастании суммарной массы людей и исчезают при уменьшении? – напряжённо глядя на сестру, спросил Егор.

– Нет, я не хочу сказать «появляются», я хочу сказать «проявляются», а так – да. И физической и энергетической. И вообще, почему только людей? По всей видимости, свой бог, а может, и свои боги, есть у каждого вида живых существ, просто в обычной ситуации они находятся в латентном виде. Они начинают проявляться в случае каких-нибудь нестандартных ситуаций, требующих, так сказать, вмешательства свыше, когда отдельные представители вида не могут справиться с ситуацией сами.

Не отрывая от сестры напряжённого взгляда, Егор предложил:

– Например, регулировать численность и пол потомства...

– Направление миграции, – подхватила Юля, – устраивать самоубийства при перенаселении. Хотя, – задумчиво сказала она, – можно ли считать это самоубийством в таком случае. Словом, задача бога вида – управление, регулирование. Это, так сказать, главный бог, должны быть и более мелкие, для различных групп. Хотя, знаешь, есть у меня сомнения в том, что мотивы их так чисты. Иной раз складывается впечатление, что какой-нибудь бог овладевает каким-либо человеком или целым народом для достижения своих корыстных целей. Высосет как заботливый вампир – основательно, но так, чтобы жертва выжила, и оставляет в покое на какое-то время. Но это так, к слову пришлось. А теперь просто представь: живут себе племена, имеющие представление о божественном, но не о богах, начинают консолидироваться, народу в них становится всё больше и больше, и тут, на тебе, с одним из людей начинает говорить бог. Вот тебе и пророк получился. Вспомни Достоевского – у каждого народа свой бог. Вполне возможно, он был абсолютно прав.

Егор хмыкнул.

– То есть ты хочешь сказать, что люди верят в единого всемогущего Бога, а поклоняются частным мелким божкам, да ещё зачастую и чужим?

Пожав плечами, Юля спокойно ответила:

– Ты сказал.

– Не передёргивай, пожалуйста, – возразил Егор, – я просто сделал закономерный вывод из твоих слов.

Сестра насмешливо фыркнула.

– Согласись, Егор, всегда можно сделать различные выводы, а человек выбирает то, что ему ближе. Тебе ближе оказался этот. Но не буду спорить – он ближе и мне. И любопытно тогда, какому же божку в таком случае поклонялся этот священник на самом деле?

– Да уж, тем более, по тому, что мы видели, что-то там точно было. Во всяком случае, ни Верховный, ни Икс не сомневались в этом. Но вопрос, боюсь, без ответа. И кстати, по твоей теории боги должны сейчас направо и налево говорить с людьми, учитывая численность народов, а что-то новых пророков давно не слышно.

– А они, может, и говорят, только люди считают, что сами с собой разговаривают. А кто так не считает – отдыхает на Канатчиковой даче.

– Может быть, ты и права.

– Да, вполне возможно. А может, они и другими путями ходить могут. Кстати, на основании этого можно предположить, что представление о богах есть у любого вида, склонного к образованию больших групп. А если это сугубые одиночки, то, очевидно, нет.

– Возможно. И структура этих богов иерархическая, по всей видимости.

– Очень может быть, учитывая, что всё в известном мире построено на аналогиях. Только я думаю, что эта структура не трёхмерная, а как минимум четырёхмерная. И очень текучая к тому же. Боги дают людям силу, но и сами становятся сильнее благодаря людям. Недаром столько войн развязано из-за религий – боги жаждут энергию и каждый добывается её своим путём. – Юлия замолчала и взъерошила и без того лохматые волосы. – А Икс уже обладает немаленькой энергетической массой. Одних только мёртвых он собрал за два года около двадцати тысяч. А сколько всего было за эти века? Не творец, но бог. Или скажем так – не Бог, а бог и довольно сильный, и можно безошибочно прогнозировать, что и дальше его сила и возможности будут только возрастать пропорционально количеству поглощённых жизней.

Егор поёжился.

– Знаешь, мне в голову сейчас пришла жуткая мысль. Смотри, практически всегда люди в загробный мир попадают, будучи незадолго до этого живыми. То есть все эти боги – Аид, Анупис и так далее хотя и боги мёртвых, но по сути – боги живых. А Икс присоединил к себе тех, кто не один десяток, а то и не одну сотню лет были мертвы. Получается, он стал не только богом живых, но и богом мёртвых? А если он научится притягивать к себе всех неуспокоенных мертвецов без предварительного овладения останками? А ведь сколько их плавает в водах и ползает под землёй. Сколько их, неуспокоенных, скопилось на земле за всю историю человечества? Ведь он меняется, учится делать то, чего никогда не мог ранее, ты не будешь этого отрицать?

– Не буду, – призналась Юлия, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

– А ведь недаром повсюду боятся мёртвых, склонных, по всеобщему убеждению, вредить живым. Что если Икс станет по большей части богом мёртвых?

– Во-первых, он и так явно не несёт мир и процветание, а во-вторых, одно из двух, мелкий, или до этого не доживём мы, или он.

Юлия подошла к окну. Опершись о подоконник, она высунулась наружу и втянула густой раскалённый воздух.

– Это что-то ненормальное. Я очень люблю жару, но это перебор, – без предупреждения сменила она тему. – Ещё ведь май не закончился, что же будет дальше? – Юлия смотрела на растения, ещё не до конца выросшие и уже начавшие желтеть под беспощадными лучами Солнца, впивающимися в нежную зелень как раскалённые стрелы. – Нам надо идти и, как это ни прискорбно, без собак – нельзя их тащить в такую жару.

Мангусты были недалеко от цели, когда Юлия вспомнила ещё кое-что.

– Слушай, так ты Икса так и не видел?

– Нет.

– Я тоже и это странно. Верховный говорил, что он будет там.

– Может быть, мы как новички недостойны лицезреть?

С сомнением покачав головой, Юлия ответила:

– Не думаю. Когда я общалась с Верховным, он явно видел что-то, больше того, у меня сложилось впечатление, что он считал, и я тоже вижу. Кроме того, он ни о чём подобном не говорил. Да и тот целитель, отправляя к Иксу первого Верховного, предупреждал, что тот должен его увидеть. И неужели Икс и в самом деле Золотой Змей? Ладно, выясним это.

– Кстати, как по-твоему, эти целители – кто они?

– Честно? – Юля пожала плечами. – Как по мне – натуральные понтярщики. Да такие, что смешно на них смотреть. Устроили театральное представление перед измученными людьми и рады.

Егор был категорически не согласен с сестрой.

– Понты понтами, но цели своей они добились, а это главное. Да и с теми, кто находился бы в другом состоянии, они могли бы вести себя по-другому. И, кроме того, ты не станешь отрицать, что они могли чуть больше, чем обычные люди?

Юля кивнула.

– Не стану. Но всё же и понтярщики они немалые. И к тому же что-то мне подсказывает, что с кем бы они ни общались, понты всё равно были бы у них на первом месте – по их ромам это недвусмысленно видно. А вообще, если сможем, узнаем о них получше.

Мангусты добрались до места и выбрали самый тенистый и прохладный участок в той печке, в которую превратился мир. Удобно улёгшись, для чего пришлось разгрести твёрдые ветви и шишки, они переглянулись и одновременно пожелали оказаться в реальности Икса.

Мгновенно их охватила уже знакомая прохлада, а свет из ослепительного сине-жёлтого стал спокойным, неярким и светло-серым. И снова и у Юли, и у Егора возникло ощущение, что мир, несмотря на свою чёткость, едва уловимо дрожит и колыхается.

– Опять никого нет, – сказал Егор.

– Я здесь, – прозвучал голос.

Мангусты подпрыгнули от неожиданности.

– О, чёрт, – в испуге выдохнула Юля, – нельзя же так!

– Зачем пришли?

Егор, который только-только восстановил дыхание после испуга, снова задохнулся, на этот раз от изумления.

– Не знаешь? Как же так?!

– У вас в мыслях хаос. Все, кто приходил ранее, точно знали, зачем идут – вы нет.

Бросив взгляд на брата, Юля пожала плечами и опустилась на землю, скрестив ноги. Егор подумал и сел рядом.

– Мы – новые жрецы, – сообщила Юля, чувствуя, как по-идиотски звучит эта фраза.

– Я знаю. Но вы пришли сюда не за тем, зачем до вас приходили остальные.

Егор судорожно вздохнул, а Юля окаменела, боясь любой мысли, которая сейчас могла бы прийти ей в голову. С трудом разлепив губы, она произнесла:

– Да, мы не будем приносить жертвы.

– Вы – не будете? Не можете. Вы заключили договор, войдя сюда. Вы не можете этого избежать.

Мангусты вздрогнули. Юля снова посмотрела на брата, ища поддержки.

– Мы не отказываемся от договора, мы просто не будем убивать, – неуверенно начала объяснять она.

– Не надо, я возьму живых. Просто приводите их ко мне.

Юля закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями.

– Нет, не так. Мы вообще никого не будем убивать, никак. Ты же нас знаешь уже давно...

– Нет.

– Что нет? – растерянно спросила Юля.

– Я не знаю вас давно.

– А, понятно. Я имею в виду – для нас давно. Ты знаешь, что мы отличаемся от остальных жрецов. Ты сам сказал, что у нас другие цели.

– Да.

Юля глубоко вздохнула и снова бросила взгляд на брата.

– Мы не убиваем...

– Да?

На мгновение застыв, Юля резко выдохнула и продолжила, решив замять этот вопрос:

– ...мы никого не собираемся убивать, но мы не хотим нарушать договор. Мы предлагаем его изменить. Нам не нужно от тебя то, что было нужно остальным, мы просто не будем это брать. Но мы не станем тебе давать то, что ты требуешь. В таком виде, как сейчас, он теряет смысл. Я предлагаю его изменить – информация за информацию.

Несколько секунд Мангусты сидели, не дыша, со страхом ожидая ответа.

– В таком виде не принимаю.

– Что это значит? – онемевшими губами прошептала Юля.

– Должна быть определена ценность информации. Обмен должен быть равноценным. Необходимо оговорить, на какие вопросы должна иметься возможность отказаться давать ответ.

– То есть? – спросил Егор.

То ли Мангустам показалось, то ли в бесплотном голосе на самом деле промелькнула еле уловимая злая насмешка:

– Вы же не захотите отвечать на вопрос: какой вид смерти вам больше всего не понравится?

– О, – выдохнула Юля, – не хотелось бы, разве что в крайнем случае. Но смысл понятен, очень доходчиво, – и тут же подозрительно нахмурилась, – а с чего это такая забота о нас?

– Это не забота о вас, а непременное условие, без которого договор не может быть заключён. Пример был приведён для наглядности.

Юля кивнула:

– Ну да, очень наглядно.

Она повернулась к брату, но Егор, посмотрев на неё, пожал плечами.

– Понятия не имею, я не думал об этом.

– Смотри, если я не ошибаюсь, то самое главное – должно быть равновесие. Вопросы, ответы на которые приводят к сильному перевесу одной из сторон, могут оставаться без ответа.

Егор кивнул и тут же покачал головой.

– Так-то оно так, но кто определять это будет, что даёт перевес, а что нет?

– Я, – раздался голос, снова заставив Мангустов подпрыгнуть, – я могу это определить, равно как и ценность информации, и я сделаю это.

– Но это несправедливо... – начала было говорить Юля, но голос прервал её.

– Справедливо. Я могу это определить, вы – нет.

– Но как мы можем верить тебе?

– Я не лгу. Верховный говорил тебе об этом.

– Это так, – признала Юля, – но верится как-то не очень.

– Я не лгу, – повторил голос. – Договор принимается только в таком виде.

– То есть, – резюмировал Егор, – мы можем отказаться отвечать на вопросы, если они крайне неприятны, вызывают отвращение, являются угрозой; никакого чтения мыслей без спроса, только обмен информацией по справедливости?

– Да.

– И отлично, – чувствуя, что камень свалился с души, сказала Юля, – ты не будешь требовать от нас чьей-то крови, смерти, просто информация.

– Да.

– И мы не будем делать всего того, что делали предыдущие жрецы.

– Если хотите.

– Да! – в один голос воскликнули Мангусты, своими глазами видевшие концовку одного из таких ритуалов. Никто из них не желал принимать участие в чём-то подобном.

– Хорошо. Договор принят. Зачем пришли?

До того момента, как Юля услышала эти слова, она даже не подозревала, в каком диком напряжении находилась. Ведь если бы Икс отказался принимать новые условия... О том, что могло бы случиться в этом случае, ей думать было просто страшно. И поэтому сейчас она с трудом могла заставить себя не растянуться бессильно на земле. Судя по тяжёлому прерывистому дыханию Егора, он был не в лучшем состоянии, чем сестра.

– Мы... нам нужны ответы на некоторые вопросы, – неуверенно заговорила Юля, сбиваясь и путаясь, – мы хотим задать эти вопросы.

– Хорошо, задавайте. Потом спрашивать буду я.

Мангусты посмотрели друг на друга, не зная, как начать. Наконец Юля нервно вздохнула и, запинаясь, пробормотала:

– Мы... э-э... пришли повидать, увидеть, нет... – совсем сбилась она. – Священник, из-за которого деревня погибла, он у вас?

– У кого «у вас»? Здесь нет ни одного, подобного мне.

– Хорошо, у тебя?

– Да.

– А можно его увидеть и поговорить с ним?

– Можно. Если он станет с вами говорить.

Юля изумилась:

– Не станет? Но Верховный говорил, что спрашивать можно кого угодно.

– Спрашивать можно, но именно он может не отвечать. Я вас могу связать с ним, но не могу заставить отвечать.

– Хорошо. Пожалуйста, свяжи нас обоих с ним, мы попробуем.

Мангустов охватило невыносимое зловоние, а прохладу и рассеянный серый свет сменила удушливая, наполненная ядовитыми парами пещера, по чёрным каменным стенам которой метались багровые отблески огня. Сам огонь горел повсюду – пятнами, сполохами, сбегал с потолка и неожиданно появлялся и исчезал в воздухе, и казалось, что это именно он издаёт те жуткие стоны и крики, от которых дрожал воздух.

Посреди пещеры на каменном возвышении лежал человек, внешность которого и возраст невозможно было определить из-за зловонного гноя, залепившего всё его лицо, да и тело, и копошащихся червей, как вторая кожа покрывших его целиком. Из-под этой жуткой маски, особенно яркие на фоне желтоватого гноя и белёсых червей, пробивались ручейки крови, тонкими струйками сбегавшие на пол, где собирались в густые, тёмные, почти чёрные лужи. Стоявшие вокруг него демоны различными пыточными инструментами рвали его тело в клочья, и там, где они во время своей жуткой работы скидывали червей с тела простёртого перед ними человека, было видно, что местами червь проели плоть до костей.

Человек с трудом разлепил склеенные гноем глаза и посмотрел на Мангустов, парализованных страшным зрелищем, взглядом, в котором выражались только громадная усталость и бесконечная боль. Внезапно выражение глаз изменилось и стало более осмысленным – он их увидел. Черти, мучившие его, тут же отошли в сторону, а чуть позже незаметно исчезли, растворившись в воздухе без следа. Человек хрипло, с огромным трудом прокаркал:

– Кто вы? Демоны, посланные дьяволом, чтобы ещё больше мучить меня?

Мангусты всё ещё никак не могли опомниться и стояли молча. Да, они предполагали, что подобное возможно, но увидеть своими глазами... Это потрясло их до глубины души.

– Не молчите, или вы изобрели для меня новые мучения, отвечайте!

Юля, пытаясь взять себя в руки и успокоиться, выдавила:

– Нет, мы не демоны.

– Но кто же вы тогда? – он мучительно медленно поворачивал голову, осматриваясь, – и где бесы, что по приказанию дьявола уже вечность мучают меня? Никогда до этого они не прекращали своих попыток ни на мгновение.

Юле стало нехорошо, и всё поплыло перед её глазами. Она пошатнулась, и Егор вовремя подхватил её, не дав упасть.

– Пока мы здесь, – заговорил он, осторожно подбирая слова, – дьявол и черти не будут мучить тебя.

Глаза человека вспыхнули безумной надеждой, и он, осыпав с себя часть червей, слегка приподнялся на своём возвышении, насколько позволяло его искалеченное тело.

– Какую же силу и власть вы имеете, – с благоговейным восторгом прошептал он, – если можете остановить сатану в аду! Вы не демоны, вы посланцы Божии! – голос его, поднимаясь всё выше и выше, сорвался под конец, и он хрипло зашептал, – вы пришли забрать меня на небо? Да? Срок моих мучений подошёл к концу?! – говорил он, протягивая к Мангустам дрожащие руки.

Юля и Егор отчаянно переглянулись.

– Нет, мы не можем тебя сейчас забрать, – сказала Юля, ненавидя себя в эту минуту и страстно желая вырвать себе язык.

– Но зачем же вы тогда пришли? – страшное подозрение стало разгораться в нём, меняя недоумение на гнев, а потом на ужас. – Или вы демоны, что пришли мучить меня надеждой? Если вы демоны, сгиньте, пропадите отсюда! – без сил после этой вспышки, он откинулся обратно с закрытыми глазами и зашевелил губами, бормоча молитвы.

Юля прошептала брату:

– Ты не помнишь, как точно крестятся? Если мы сейчас не сделаем этого, то он останется так навсегда.

Егор, многократно видевший, быстро показал.

– Православный? – тихо уточнила сестра.

Егор кивнул. Юля, преодолевая отвращение и тошноту, подошла к человеку и с содроганием, чувствуя, как под рукой шевелятся черви, положила ладонь ему на голову. Человек открыл глаза и посмотрел на неё.

– Мы не демоны, – убеждающе заговорила Юля, – мы пришли не мучить тебя, – сказала она, не веря себе в этот момент – Посмотри, – она перекрестилась сама и перекрестила его.

Егор торопливо подошёл и также, положив ладонь на голову, перекрестил и себя, и его. Мангусты почувствовали, как человека начала бить крупная дрожь.

– Но я не понимаю, – заговорил он срывающимся голосом, в котором то вспыхивала, то угасала надежда, – если вы не бесы, если вы ангелы, но пришли не взять меня отсюда, то зачем? – он растерянно переводил глаза с Егора на Юлю и обратно.

– Мы пришли посмотреть на тебя, – быстро заговорил Егор, – и понять, можно ли облегчить твои муки или вообще прекратить их. Мы сейчас уйдём, но скоро вернёмся снова, жди.

Он схватил Юлю за руку, шепнув: «К Иксу». Прохладный, не имеющий запаха воздух, тишина и спокойное освещение после того ада, в котором только что были Мангусты, показались блаженством.

Юля глухо сказала:

– Давай наружу, там поговорим.

Затем, повысив голос, произнесла:

– Мы скоро вернёмся, и нам необходимо опять туда, а потом ответим на твои вопросы, если сможем.

– Я жду.

На Мангустов хлынули запахи и звуки жаркого летнего дня, и яростное Солнце моментально накинуло на них раскалённую сеть.

– Сложно поверить, что ещё май. Точь-в-точь середина июля, – пробормотала Юля. Она сидела на земле, низко опустив голову и пытаясь отскрести от рук несуществующих червей.

– Это был сон, черви не настоящие, иллюзия, – успокаивающе обратился к ней Егор.

– Да я знаю, но всё равно мерзко. Такое ощущение, что вонь всё ещё окружает нас, и черви повсюду ползают, – не поднимая головы, сказала сестра. Потом посмотрела на Егора и заметила, – ты молодец, выкрутился из положения, не сказав ни слова лжи, здорово.

Лицо её неожиданно исказилось, и она с болью прошептала:

– Что же он с собой делает!

Егор промолчал, видя адскую пещеру и изуродованного человека, окружённого демонами.

– Он сам, ты понимаешь это, он сам всё себе напридумывал, – схватив брата за руку, настойчиво повторяла Юля, – это всё он – и черви, и демоны, и эта пещера с огнём, он всё это из себя взял! И верит в это, понимаешь! Для него всё правда, что мы можем сделать?

– Юль, я понимаю это, – отозвался Егор, – но ты подумай лучше, почему он всё это время (у него язык не повернулся сказать – все эти сотни лет) представлял, что его пытаются, ведь он мог представить, что победил Икса и спас деревню и сейчас в раю восседает одесную от Бога. А он всё это время пытал себя.

– Хороший вопрос.

Юля сжала виски руками, а потом тряхнула головой, собираясь с мыслями.

– По всей видимости, – медленно заговорила она, – когда он шёл к Иксу, был заранее уверен в том, что проиграет. Может быть, даже хотел стать мучеником.

– Слушай, а если сказать ему, что он сам всё придумал, – без особой надежды предложил Егор.

– Нет, так нельзя, он нам не поверит. Он шёл в ад и оказался в аду, а ты ему заявишь, что это его выдумка. Не пойдёт.

– Он не верил в то, что победит, – задумчиво пробормотал Егор.

– Вот оно! – воскликнула Юля, оживляясь. – Потерял веру! На этом можно сыграть. Должно подействовать. Во всяком случае, мучения прекратятся.

– Так, может, тогда и дальше пойти и дать ему понять, что он скоро будет в раю? Пусть себе придумывает.

Юля поморщилась.

– Нет, Егор, я не возьму на себя такую ответственность. А если его рай, того бога, в которого он верит, существует? Поверив в свою иллюзию здесь, он лишится возможности по-настоящему попасть туда.

– Какую ответственность? – хмыкнул Егор, – о чём ты говоришь, он же связался чёрт знает с кем. Христианский рай, если он и существует, ему всё равно не светит.

– Не знаю, Егор, сейчас он должен быть свободен от прежней связи: сомневаюсь, что в Иксе она смогла бы сохраниться. А раз так – он получает возможность уйти к христианскому богу. Считал-то он, что в него верил.

– Любопытно, и как ты думаешь, он сможет отсюда уйти? Если ты захочешь освободить его, Икс тебе спасибо не скажет.

– Ну да, – мрачно усмехнулась Юля, – предложить обмен. Поймать кого-нибудь, и вместо священника.

Егор подумал.

– Нет, это какой-то неравноценный обмен получится – живого взамен мёртвого.

– Но он живой! – воскликнула Юля.

Мангусты какое-то время непонимающе смотрели друг на друга, затем Юля глубоко вздохнула.

– Ладно, не будем об этом, а то мозги раком встанут. Определили, что делать, и давай к нему.

Во второй раз в пещеру им удалось попасть гораздо быстрее, чем в первый – напрямую, минуя мир Икса. Священник лежал, не закрывая глаз, и пристально вглядывался в то место,

где впервые за многие сотни лет увидел живых людей. Едва Мангусты появились во второй раз, лицо его осветилось восторгом, а бесы исчезли сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.